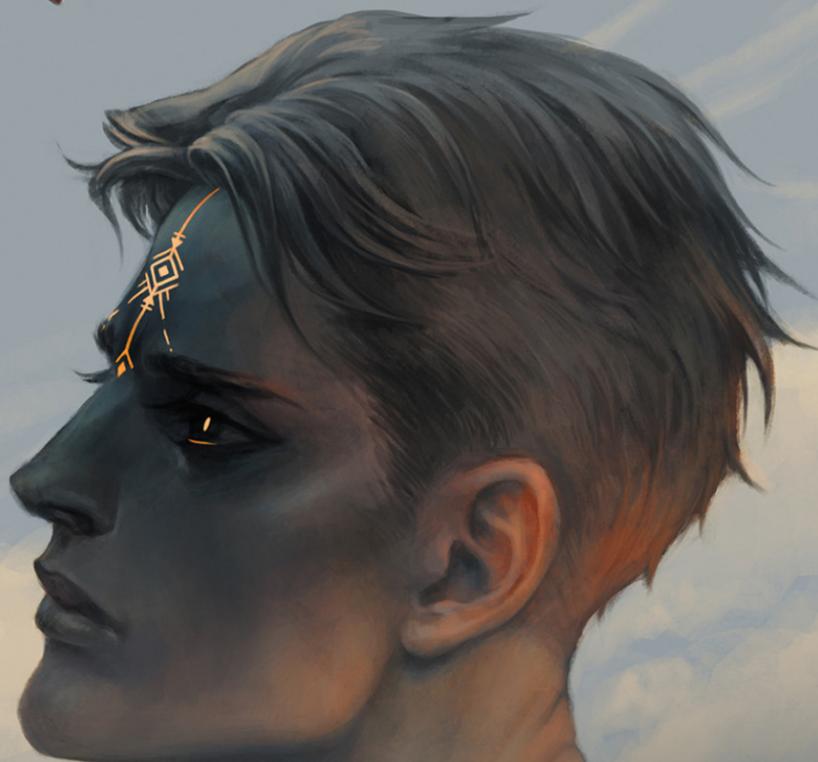

INSPIRIA

18+

Ширин Шафиева

СНЫ ОСИМУМ Basilicum

Чарующая, абсолютно
артистическая проза

INSPIRIA

Universum. Магический реализм Ширин Шафиевой

Ширин Шафиева
СНЫ *Ocimum Basilicum*

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-31(479.24)

ББК 84(5Азе)-44

Шафиева Ш.

Сны *Ocimum Basilicum* / Ш. Шафиева — «Эксмо»,
2021 — (Universum. Магический реализм Ширин Шафиевой)

ISBN 978-5-04-117693-8

"Сны *Ocimum Basilicum*" - это история встречи, которой только суждено случиться. Роман, в котором реальность оказывается едва ли важнее сновидений, а совпадения и случайности становятся делом рук практикующей ведьмы. Новинка от Ширин Шафиевой, лауреата «Русской премии», автора романов «Сальса, Веретено и ноль по Гринвичу» и "Не спи под инжировым деревом". Стоял до странного холодный и дождливый октябрь. Алтай пропадал на съемках, много курил и искал золото под старым тутовником, как велел ему призрак матери. Ему не дают покоя долги и сплетни, но более всего – сны и девушка, которую он, кажется, никогда не встречал. Но обязательно встретит. А на Холме ведьма Рейхан раскладывает карты, варит целебные мази и вершит судьбы людей. Посетители верят в чудо, и девушка не говорит им, что невозможно сделать приворот и заставить человека полюбить – можно лишь устроить ему случайную встречу с тем, кого он полюбит. Ее встреча уже случилась. Но не в жизни, а во сне. И теперь она пытается отыскать мужчину, что покидает ее с первыми лучами солнца. Она продолжит искать его, даже когда море вторгнется в комнату, прекратятся полеты над городом, и со всех сторон начнут давить стены старого туннеля. И она его найдет.

УДК 821.161.1-31(479.24)

ББК 84(5Азе)-44

ISBN 978-5-04-117693-8

© Шафиева Ш., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	18
Глава 3	20
Глава 4	32
Глава 5	44
Глава 6	46
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Ширин Шафиева

Сны Осіum Basilicum

© Шафиева Ш., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Глава 1

Алтай

15–16 октября

Когда тётушку Хумар обнаружили мёртвой во дворе собственного дома, за убийство был арестован её сын, но среди обитателей Кубинки немедленно разлетелся слух, будто бы Хумар на самом деле задушила виноградная лоза, оплетавшая тело старухи так крепко, что тем, кому приспичило высвободить его, пришлось поработать секатором. Тётушка Хумар была чопчи. Жила она в небольшом, но добротном двухэтажном особняке, который построила после ранней кончины мужа на деньги, заработанные целительством, да и сбережений имела немало – то золота для потенциальной невестки прикупит, то в шкатулку пачку долларов припрятает. Словом, у взрослого сына-бездельника были куда более веские мотивы для расправы с матерью, чем у виноградаря (посаженного ещё покойным мужем Хумар во дворе их старой хибарки, на месте которой возвели новый дом). И всё же...

– Я там как раз проходил, за хлебом шёл, – кудрявый таксист Юсиф делился с друзьями в чайхане небывалыми впечатлениями. – Смотрю – ворота к ней во двор открыты, народ стоит, этот хыйяр¹ бегаёт туда-сюда, орёт. Я так сначала подумал, у него ломка опять, снова мать избивает. Ну и зашёл. Хумар-хала там на земле лежала, а я даже не заметил сначала, потому что, я вам говорю, вся она была в винограднике, только голова торчала наружу. И лицо, знаете, такого цвета, как этот... как его... его мастера наши тут используют всё время...

– Купорос? – подсказал Алтай.

– Ага, порос... – задумчиво повторил Юсиф. – В общем, как будто задушил её этот виноградник.

– Месь ряхмятли² мужа, не иначе, – заключил Алтай с иронией. – Я слышал, он её всегда недолюбливал. Но тот факт, что сынок – наркоман безработный, не облегчит дело его адвокату.

Остальные закивали, задумчиво разглядывая светлые костяшки домино, выложенные перед ними на столе. Алтай подумал, что костяшки похожи на маленькие белые шоколадки. В чайхане, к сожалению, к чаю подавали только сахар и твёрдую карамель, способную выкорчевать пломбы, поставленные даже самым добросовестным стоматологом. Воспоминания о временах, когда он ещё готов был с радостью жевать эти противные конфеты, когда не было реставраций в игрушечных молочных зубах, потянули за собой другие, такие древние, что Алтай не мог понять, настоящие они, или это ему приснилось, или он сам придумал, что это ему приснилось, а оно и не снилось вовсе – сны свои он помнил плохо, с тех самых пор, как сходил в армию – и вот он уже сидит и, перестав следить за партией, вспоминает, как однажды в детстве бабушка отвела его к Хумар.

Итак, тётушка Хумар была известная на всю Кубинку – да что там, на весь Баку! – чопчи. Это значит, она зарабатывала на жизнь тем, что выдувала из хворых детей, приведённых к ней отчаявшимися родственниками, комки застрявшего в носоглотках сора – процедура с точки зрения отоларингологии вполне эффективная, но отнюдь не гигиеничная; а также «закрывала место чопа», что с точки зрения отоларингологии и здравого смысла – шарлатанство и выманивание денег у простаков. Пыл, с которым Хумар отдавалась делу, позволял ей извлечь из детских ртов иногда даже то, чего они туда вовсе и не клали, но всегда – что-нибудь сооб-

¹ Дословно – огурец (оскорбительное слово).

² Покойного.

разно сезону: ранней осенью – ошметки яблок, поздней – комки гранатовых семян, а иногда даже тщательно пережёванные куриные кости. Клиентов на её сомнительные услуги находилось немало. Видимо, потому, что многим легче притащить ребёнка к целителю, чем следить, чтобы он не тянул в рот всякую гадость.

Однажды, когда четырёхлетнего Алтая необъяснимым образом настигли высокая температура и понос (а всех остальных в семье – не настигли), бабушка, распознав симптомы, отвела ребёнка к Хумар. Так и сказала, крепко взяв угрюмого Алтая за руку: «Сейчас пойдём к Хумар». Что такое «Хумар», мальчик не знал, однако слово его напугало. По дороге он дрожал и представлял себе разные ужасы, но Хумар оказалась всего лишь неопрятного вида женщиной с могучими волосатыми руками, торчавшими из цветастого сарафана так голо и вызывающе, словно говорили: «Вот, глядите, мы ничего не прячем в рукавах, и всё, что вылетит из вашего рта – настоящее». Этими самыми руками она принялась нещадно массировать горло Алтая, и это уже вывело его из терпения к тому моменту, когда она наклонилась, чтобы хорошенько дунуть ему в нос. Дело осложнилось запахом, а пахло от Хумар как от замоченной на ночь в раковине кастрюли из-под супа, и Алтай, до того дня считавшийся лёгким, спокойным ребёнком, вдруг со всего размаха пнул её ножкой в мясистую коленную чашечку и сбежал. Потом, у настоящего врача, выяснилось – в горле у него ничего не застряло, на самом деле он подхватил какую-то инфекцию, потому что бабушка кормила его немытым тутом с дерева...

Тема разговора не исчерпала себя и к полуночи, что неудивительно: поножовщина и странные происшествия с наркоманами на Кубинке – дело обычное, но вот растения-убийцы могли вдохнуть новую жизнь в криминальные хроники этой старой части города. Когда большинству участников собрания начали звонить возмущённые жёны, обсуждение пришлось прервать, и все поспешили по домам. Подняв воротник куртки и низко опустив голову (иначе холодный ветер дул в лицо, и можно было упасть в темноте в какую-нибудь яму), Алтай шёл домой и лицемерно радовался, что не женат и некому названивать ему на встречи с друзьями. Он жил в самом конце извилистого тупика, зажатого между осыпающимися до обнажённого камня одноэтажными домишками. При взгляде на эти строения посторонний наблюдатель мог бы вообразить, что в них живут очень бедные люди, но ошибся бы в большинстве случаев. Жители Кубинки были, скорее, упрямыми.

На подходе к дому Алтай встретило одно из прямых свидетельств этого упрямства: соседское мусорное ведро, перевёрнутое кошками, и содержимое ведра, разбросанное чуть ли не по всему переулку. Соседи и представители кубинской популяции кошачьих вели долгую бескровную войну, в которой главным оружием была непреклонная воля. Каждый день люди выставляли ведро, и каждую ночь кошки его опрокидывали. Никто и не думал найти для ведра другое место или хотя бы купить новое – с крышкой. Так и жили.

Ключ поворачивался туго, Алтай подумал, что пора бы сменить замок, да ещё и дверь покрасить – каждый, кто приходил к нему, считал своим долгом отколупать немного краски, из-за чего на железной двери образовалось ржавое пятно в виде птицы с пышным хохолком и раскинутыми крыльями, которую Алтай подсознательно определил для себя как феникса.

Дом встретил привычной сыростью, запахом прогнивших досок пола, а в холодильнике мертвецом в морге застыл позавчерашний обед. От голода у Алтая кружилась голова, но он всё равно долго стоял во дворе, страдал от грязного ветра и курил. Над ним угрожающе раскачивалась и роняла перекрученные высохшие листья старая шелковица. Виноградник-душитель, ну надо же... Жаль, он этого не видел.

Обезвреженный на неприкосновенное время, отведённое встрече с друзьями, телефон, оказавшись дома, самостоятельно присосался к сети Wi-Fi и начал исторгать из себя оповещения. Всем Алтай был нужен, всем, кто не был нужен ему. Пятнадцать сообщений от Анастасии, или «Нюсики», как она любовно саму себя называла. Первые шесть заканчивались многоточиями, с каждым разом точек всё прибывало и прибывало, а последнее охранялось

частоколами из восклицательных знаков и злыми собаками – её коронное «*Тебе совсем на Нюсики плевать?!!!!!@#@*». «*Спокойной ночи, милая*», – написал Алтай, надеясь, что этого будет достаточно. В ответ Нюсики послала ему пикантное селфи в ночной сорочке на фоне грязноватых обоев.

«Завтра будет очередной тяжёлый день, нужно лечь пораньше», – сказал себе Алтай, но ещё пару часов смотрел смешные ролики на Youtube, пока не заболели нестерпимо глаза. Только тогда он заполз под одеяло, укрывшись почти с головой, и уснул, убаюканный звуками крысиной возни под полом. В шесть утра, как и следовало ожидать, он проснулся совершенно разбитым, заткнул будильник и вывалился из кровати на пол в узкой комнате, похожей на могилу.

Всё шло не так. Стоял до странного холодный и дождливый октябрь, ветер посбивал с деревьев высохшие летом на жаре листья, превратив маленький двор его дома в одну большую постель для бродячих котиков – Алтаю недосуг было разгрести всю эту растительную ветошь, и она толстым слоем устилала плитку пола, как в лесу, – да ещё этот непомерно амбициозный, масштабный проект... Детище, о котором он так мечтал, но которое оказалось крикливее, грязнее и прожорливее, чем ожидалось, и из-за которого Алтаю придётся теперь ездить по всей стране, терпя выходки четырнадцати неуравновешенных субъектов, каждый из которых уже возомнил себя звездой, и тупость своих собственных работников. А за день до съёмки первого эпизода во сне ему явилась покойная мать и предостерегла, но от чего именно – он, как обычно, не запомнил.

В семь ему предстояло выехать в Атешгях, где проходил второй день съёмки придуманной и продюсируемой Алтаем передачи под бесхитрым названием «В поисках сокровищ». Первый выпуск отсняли во Дворце Ширваншахов, чтобы зрители могли познакомиться с героями, отобранными для участия в игре. Отбирал их лично Алтай; ох, сколько же фриков пришло на кастинг, многие мечтали получить сто тысяч манатов, но ещё сильнее им хотелось засветиться на телевидении. Идея реалити-шоу была не бог весть как свежа, но для отечественного телевидения передача получилась достаточно внушительной, к тому же она поддерживала идею развития внутреннего туризма. Две команды отправились в увлекательный квест по стране, кое-как разгадав зашифрованные подсказки, которые сам Алтай считал униженно примитивными. Иногда Алтаю казалось, что, пробивая этот проект, он постарел лет на десять – примерно столько времени пришлось провести в МЧС, Министерствах культуры, экологии и прочих, не говоря уже о переговорах со спонсорами. Самый главный из них пожаловал Алтаю семизначную сумму, первую часть которой должны были перевести на его рабочий счёт со дня на день.

Торопливо наглотавшись холодного чая, покрытого мутной плёнкой, словно болото ряской, Алтай обыскал сам себя, проверяя, не забыл ли чего важного, пятью взмахами щётки пригладил ненавистные, слишком непокорные волосы и выбежал навстречу злему миру, полному утомительной творческой работы.

Когда он сел в машину и уже собирался повернуть ключ зажигания, ему позвонила Нюсики.

– Доброе утро, малыш, – угрожающе произнесла она.

– Привет, – ответил Алтай, совершая попытки пристегнуться.

– Ты приедешь за своей Нюсики, да?

«О, чёрт, совсем забыл, ещё же надо за ней заехать», – ужаснулся Алтай и ответил:

– Да, конечно. Только мне надо сначала Меджида забрать.

– Не поняла?! Он что, не со съёмочной командой едет?! Чё он вдруг с тобой намылился? –

Когда это не требовалось, Нюсики могла проявлять некоторую сообразительность.

– Ну, я его друг, а кое-кто из операторов его раздражает. Всё, буду у тебя через двадцать минут. – Прежде, чем Нюсики успела додуматься до ещё каких-нибудь каверзных вопро-

сов, Алтай прервал звонок и тут же набрал номер Меджида. Пришлось до упора звонить дважды – его друг и по совместительству режиссёр передачи накануне пил и, возможно, забыл проснуться.

– Доброе утро, малыш, – передразнивая Нюсики, поприветствовал Алтай кряхтящего друга. – Ты мне очень нужен сейчас.

– Сейчас я сам себе не нужен, – возразил Меджид.

– Давай одевайся быстро. Я за тобой заеду.

– Я же с ребятами еду.

– Со мной увязалась *эта*. И мы останемся наедине на целый час. Ты представляешь, в каком состоянии я туда доеду? Если доеду вообще, а могу и разбиться по дороге.

Меджид был очень хорошим другом, к тому же сильно недолюбливал Нюсики, поэтому начал собираться быстро, как на войну.

Таким образом, Анастасии пришлось довольствоваться местом позади режиссёра, откуда она через салонное зеркало попыталась сыграть со своим возлюбленным в волнующую игру взглядов, но Алтай подвинул своё сиденье так, чтобы в поле её зрения попадал только его иссечённый тонкими морщинами лоб.

Подъезжая к храму, Алтай немного заблудился, свернул не в ту сторону и очутился на дороге, по одну сторону которой возвышались белые цистерны, словно принадлежавшие другому миру, где люди были по пять метров ростом. Нюсики тут же начала выговаривать ему за рассеянность, но именно в этот момент Меджид вспомнил забавный случай, произошедший с ним вчера, и заглушил бурчание с заднего сиденья.

Съёмочная команда, за исключением операторов и координаторов, сопровождавших участников шоу, собралась во дворе. Завидев приближающегося Алтая, все до единого повернули головы, напомнив ему стаю мелких животных, высматривающих хищника. Неподалёку от них с самым суровым и внушительным видом переминались с ног на ноги полицейские, пришедшие, видимо, проследить за тем, чтобы исторический памятник не пострадал во время съёмки. Или на случай, если игроки решат поубивать друг друга.

Меджид уже успел отжать у кого-то стаканчик кофе и опорожнял его в сторонке с видом человека, намеревающегося насладиться жизнью несмотря ни на что. Цокая неуместными в этом диком месте каблуками, к Алтаю подбежала Тарана, одна из ведущих шоу (да, ведущих было двое: мужчина – чтобы их не заподозрили в эксплуатации женской сексуальности, и грудастая брюнеточка Тарана – чтобы эксплуатировать эту самую женскую сексуальность).

– Алта-а-ай? Джаным, мы тебя тут все ждём, а я – особенно! – последние три слова она томно выдохнула, да так и осталась с приоткрытым распухшим ртом, напоминавшим Алтаю зад самки павиана в брачный период.

– Ты уверена, что сможешь скакать в этом по скале?

– Ты это про что?

– Обувь свою поменяй, – пояснил Алтай. – Здесь не Торговая, на копытах могут ходить только коровы и бараны.

Нюсики заулыбалась, ехидно шурясь на Тарану, но ведущая не заметила сигналов, ведь ей даже в голову не приходило, что между таким мужчиной, как Алтай, и его помощницей может что-то быть. Как не приходило ей в голову и то, что Алтай с ней сейчас не шутил, а был, напротив, раздражён. Если бы она знала его получше, то поняла бы это, когда он применил единственный известный ему метод отгородиться от неприятного собеседника – закурил, и сигарета воздвигла плотную ядовитую стену между ним и Тараной, которая пыталась сказать что-то в своё оправдание. Дым поглотил её слова, которыми она в очередной раз стремилась дать понять, что не против завести с ним роман.

– Мы снимаем передачу о путешествиях и выживании. Деревенский гламур, Тарана, оставь, пожалуйста, для *других* программ, – сказал Алтай, пропустив мимо ушей все намёки ведущей.

– Что эта сучка себе позволяет?! – зашипела Нюсики, едва разобиженная Тарана отошла. – Прямо при мне!

– А что – ты? – Искушение задать этот вопрос было слишком велико, хотя последствия были Алтаю известны.

Покрывшись малиновыми пятнами, Нюсики гордо уединилась в углу двора и начала делать селфи, призванные во что бы то ни стало доказать Алтаю, что она – Богиня.

Алтай обошёл по периметру храмовый комплекс, заглянул в каждую тёмную комнату, удостоверился, что помощники правильно подготовили всё для квеста, а актёры имеют должный вид и находятся на своих местах, и позвонил ассистенту, сопровождавшему игроков. Тот сообщил, что в Амираджанах на одну из команд напала стая диких собак, и, хотя это не было предусмотрено сюжетом, но, несомненно, добавило драйва готовящемуся выпуску (а бездомным зверюшкам – нежелательной славы).

– Никто из собак не пострадал, надеюсь? – спросил Алтай.

– Вроде нет, они просто отогнали их... Хотя Фархад этот е...нутый нашёл там какую-то железяку, хотел их... остальные его тормознули.

– Вот сука. Хорошо бы его пораньше выперли. Ладно, у нас всё готово, пусть не копошатся там.

Заскучав, Алтай достал ещё одну сигарету. Затем похлопал себя по карманам и обнаружил, что его зажигалка пропала. Недолго думая, он решил прикурить от священного огня, который нервно дёргался в центре каменного постамента. Папка со сценарием всегда была у него с собой, Алтай вытянул из неё лист бумаги, свернул тугой трубочкой и, улучив момент, сунул в огонь, но внезапный порыв ветра заставил языки пламени резко сменить направление, и Алтай, вскрикнув, отдернул обожжённую руку. Все вытаращились на него, а Нюсики с озабоченным видом поспешила, широко расставляя ноги, в его сторону.

– О-о, блин, любимый, милый мой, как ты так? – запрочитала она, скрюченными пухлыми пальцами царапая пустое пространство там, где мгновение назад была его рука. – Дай посмотреть! Надо спиртом помазать!

– А ты всегда с собой спирт носишь, да? – сквозь стиснутые зубы спросил Алтай, подняв руку на высоту, недостижимую для неё. – Я почему-то не удивлён.

– Дай посмотреть! Ты что, идиот?! Ты обязан дать Нюсики поухаживать за тобой! Я же твоя девушка!

– Мы неделю назад расстались, – напомнил ей Алтай.

– Это твой очередной закидон, – с умилением возразила Нюсики, словно речь шла о ребёнке, склонном устраивать дурацкие розыгрыши, к которым все уже привыкли. – Я же знаю, ты не имел это в виду. Нюсики навсегда в твоём сердце. Мы будем *работать* над нашими отношениями, вместе мы всё преодолеем!

На счастье Алтая в эту секунду ему доложили, что одна из команд прибыла на место, все засуетились, и это дало возможность, напустив на себя деловой вид, убежать прочь.

Он часто задавался вопросом: кто же в их с Нюсики бессмысленно-мучительной связи жертва, а кто – негодяй. Она налетела на Алтая, когда он, будучи свободным мужчиной слегка за тридцать, находился в состоянии дуализма, как какой-нибудь квантовый объект – одновременно хотел и жениться (обустроить уютный быт, обрасти детьми, кошками, собаками и комнатными растениями), и необременительно развлекаться со множеством весёлых красоток. Последнее с Нюсики не удалось, так как определение необременительной весёлой красотишки ей не подходило, ну а для того, чтобы жениться на ней, требовались «слабоумие и отвага». Познакомились они банально: как-то раз Нюсики зашла на работу к своей подруге, в ту пору

выполнявшей обязанности помощницы Алтая, и там увидела его, казавшегося таким успешным и уверенным в себе. Подобно психопатам, для которых чувство страха – неведомое и непостижимое понятие, она не имела даже отдалённого представления о стыде, поэтому в тот же день нашла его в Facebook и написала сообщение с предложением познакомиться. Как и любой нормальный мужчина в похожей ситуации, Алтай не посмел отказаться, тем более что на фотографиях времён прошедшей юности, когда лень и пристрастие к алкоголю и нездоровой пище ещё не сыграли свою роковую роль, Нюсики выглядела довольно неплохо. Они разговорились, Нюсики выяснила, что Алтай любит виски.

На следующий вечер она ввалилась к нему в офис с большой дешёвой бутылкой из ближайшего супермаркета. На её голове красовался чёрный парик, нахлобученный с целью продемонстрировать, какая Нюсики во всех отношениях неординарная девушка. А чтобы Алтаю сразу стало понятно, что она серьёзный и надёжный товарищ, а не просто «ну очень красивая тёлка», Нюсики предложила ему пить на спор. Напиваться Алтай совсем не любил, но отчего-то постеснялся отказаться и вскоре растёкся безвольной лужицей по собственному рабочему столу, с ужасом наблюдая за тем, как Нюсики глотает виски, кажется, прямо вместе с бокалами. Во всяком случае, свой бокал она засовывала так глубоко в глотку, плотно обхватывая кривоватыми губами, что он исчезал почти полностью. Парик съехал набок, создавая иллюзию, будто с Нюсики содрали скальп, она предложила показать Алтаю татуировку, явно спрятанную под одеждой. Тут Алтай вспомнил, что ему утром нужно быть в аэропорту, вызвал трезвого водителя и совершил тактическое отступление. Вскоре он совершенно забыл о Нюсики, тем более что на следующий день самолёт (который не был просто спасительной выдумкой) унёс его в далёкую, ещё более жаркую, чем Азербайджан, страну. Алтаю было невдомёк, что на не избалованную достойными знакомствами Нюсики он, со своими аристократичными манерами, гладкой речью, приятной внешностью, а, главное, душераздирающей историей жизни, произвёл неизгладимое впечатление, и мысленно она уже обставляла разнообразной бытовой техникой их будущую совместную квартиру и вываливала в Instagram их общие шикарные снимки. Над головой беспечно веселившегося за границей Алтая закручивалась зловещая спираль чёрных туч. Молния ударила уже по возвращении в Баку. При помощи всевозможных ухищрений, обмана и жалостливых рассказов о том, что её немощной старухе-матери (жовиальной, крепко сбитой женщине лет пятидесяти, любительнице пива и караоке) нечего есть, Нюсики выжила свою подругу с работы, и та написала Алтаю, что она вынуждена его немедленно покинуть, но очень рекомендует Анастасию на замену. С тех пор Нюсики при своём начальнике играла роль секретарши, курьера, немного уборщицы и младшего менеджера, себя же она важно именвала «партнёром».

Спустя месяц Анастасия, которую Алтай иногда брал с собой на рабочие встречи, но ни разу не сводил на обычное свидание, начала представляться всем, как его невеста. В конце концов, он узнал об этом, и в ходе устроенного им грандиозного скандала прозвучала клятва никогда, ни при каких обстоятельствах не жениться на подобной особе. Нюсики ревела и кричала в ответ, взывая к его совести, но не добилась ни сочувствия, ни даже формального извинения. Три дня она ходила на работу с выражением лица, вызывавшим раздражение не только у Алтая, но и у остальных в офисе, огрызалась на сотрудников и материлась, а на четвёртый день стала пугающе шёлковой. Она решила измениться, стать другим человеком и добиться любви Алтая, даже если для этого придётся отправить на заклание собственную мать.

С тех пор прошло два с половиной года. Нюсики и правда слегка изменилась, набрав с десятков килограммов (от переживаний, как она уверяла), объект её вожделения несколько раз официально разрывал их отношения (о чём незамедлительно сообщал всем общим знакомым), в открытую флиртовал с другими девушками, тщетно уповая на её гордость, увольнял Анастасию, но каждый раз она с достойным восхищением упорством приходила на работу и как ни в чём не бывало садилась за свой захламлённый бумагами и остатками еды стол, а девуш-

кам Алтая писала гадкие письма, в которых обзывала их «шмоньками», разевающими рот на чужого без пяти минут мужа. На безымянном пальце её правой руки тусклым блеском намекало на силу их любви купленное в магазине бижутерии колечко. Близкие друзья и коллеги, наблюдавшие эту эпопею, посмеивались над Алтаем, сначала втихую, а затем, по мере нарастания нелепости происходящего, всё более и более открыто. На распросы Алтай отвечал, что «не могу же я прогнать её из офиса пинками», что «каждый раз видя эти слёзы, мне становится её жалко», и главным аргументом: «помрут с мамашей от голода».

И они так ни разу и не сходили на свидание.

Каждая команда состояла из семи человек. Денег им не дали, лишь некоторое количество провизии, мобильные телефоны отобрали, что для большинства оказалось обстоятельством весьма болезненным. Первыми в Атешгях прибыли «Апшеронские Тигры», им посчастливилось остановить пустой грузовик, направлявшийся прямо в центр Сураханов. Лидер их быстро проявил себя – его звали Денис, и был он молодым, бородатым любителем путешествий и приключений, о чём вёл довольно популярный среди соотечественников блог в Instagram. Рассказывая о себе в первом выпуске, он упомянул работу на нефтяной платформе и заявил, что мечта его жизни – создать собственную передачу о путешествиях.

– Только деньги зря потратишь, – сказала за первым совместным обедом Самира – официальная красавица команды. – Кому надо смотреть про путешествия, посмотрят на российских каналах. Нашим зрителям одно интересно: как манысы³ друг другу волосы выдирают в прямом эфире.

Возможно, она знала, о чём говорит, поскольку давно уже увязла в зловонном болоте шоу-бизнеса (типа-шоу-вроде-как-бизнеса), постоянно участвуя в конкурсах красоты, конкурсах моделей и тому подобных культурных мероприятиях, всеми силами стараясь обратить на себя внимание самых завидных женихов страны и подобрать себе мужчину с идеальным балансом богатства, глупости и смазливости. На смазливых пока не везло, но Самире минуло всего двадцать три года, так что отчаиваться было рано.

– А я считаю, что такие начинания нужно поддерживать, – пропищал миниатюрный, бледный Башир с неизменно приятной интонацией. Этот персонаж был настолько не похож на тех, кто обычно приходит на кастинги реалити-шоу, что Алтай и его редакторы взяли его в передачу – от неожиданности. Уж очень нестандартным он им показался.

– Возможно, чтобы появился спрос, нужно создать предложение, – наставительно прибавил он. – Мы – цвет молодёжи, и должны воспитывать народ.

Денис обвёл мрачным взглядом из-под суровых кустистых бровей упомянутый «цвет»: Самира выпячивала губы перед зеркалом, рефлекторно нажимая на него большим пальцем (невозможность делать селфи в течение двух дней слегка пошатнула её психику); Эльнур, молодой человек с лицом императора Тиберия и взглядом рыбы, пялился на неё и случайно укусил себя за пальцы, которыми держал бутерброд; пухлая Егяна, ссутулившись, кидала в рот кусочки огурца с виноватым видом, словно стыдясь, что столько народу начнёт осуждать её за излишне здоровый аппетит. Были там ещё две девушки – похожая на оципанную деревенскую курицу Улдуз (сплошь упитанные мышцы, покрытые пупырчатой смуглой кожей) и Лейла, психолог и лесбиянка (впрочем, момент, где она рассказывала об этой пикантной детали своей жизни, из выпуска вырезали, чтобы не травмировать нежную психику консервативно настроенных телезрителей).

³ Маныс – презр. певец. Употребляется в отношении мелкого представителя местной эстрады, паразитирующего преимущественно на свадьбах и исполняющего невообразимо отвратительные песни необычайно отвратительным голосом.

– Кажется, кто-то тут токсичный, – сказала последняя, неприязненно покосившись на Самиру. Лейла прекрасно понимала, что создателям передачи нужны скандалы и интриги, и великодушно решила предоставить им необходимое.

– Зато красивая, – рявкнула Самира, вспыхнув. – А не похожа на мужика или гусеницу! Егяна чуть не заплакала и отложила кусочек огурца в сторону.

В кельях, окружавших алтарь со священным огнём, ждали актёры и испытания, пройдя которые, участники должны были получить ключевые слова, указывающие на следующее направление. Если бы одной из команд не удалось раздобыть достаточно подсказок, им пришлось бы голосованием выгнать одного человека, и только тогда они могли получить координаты следующей локации. Дальнейшую судьбу изгнанника решали телезрители. В случае, если СМС-голосование проходило не в его пользу, он покидал передачу навсегда. Если бы вдруг зрителям вздумалось спасти отщепенца, тот получал право (но не обязанность) вышвырнуть любого другого члена команды на своё усмотрение. Такая система была призвана обеспечить игре нужный психологический накал, а Алтаю и другим создателям передачи – тридцать процентов дохода от всех СМС.

Когда появилась вторая команда, «Непобедимые», на которую напали собаки, первая уже набрала нужное количество подсказок и совещалась в единственной комнате на втором этаже. Со своим заданием не справились Улдуз и Егяна, и теперь Самира (она не только разгромила актёра-противника, но и ухитрилась за то короткое время, что они стояли друг перед другом, разбить ему сердце) поглядывала на них с презрением.

Мужской состав «Непобедимых» – названия для команд игроки придумали сами – больше грызся, чем стремился к победе. Неуравновешенный Фархад, тот, что был готов отбиваться от собак куском железа, боролся за лидерство с Шаином – эрудитом и завсегдаем всевозможных интеллектуальных игр, смахивающим лицом на сову (не хрустальную, увы). Оба отличались спортивностью и склонностью к скандалам, и Алтай радовался, что они оказались вместе – это сочетание было таким же удачным, как сошедшиеся в плей-офф футбольные команды Гондураса и Сальвадора в 1969 году. Двое других пока никак не проявляли себя – паренёк по имени Гасан из бедной многодетной семьи, которому деньги нужны были для учёбы за границей, и Чингиз, на кастинге зацепивший ногой шнур и поваливший часть аппаратуры в студию. Что же касается прекрасной половины человечества, то её у «Непобедимых» представляли Зара – начинающая актриса и модель, чьё карьерное продвижение сильно затруднялось её феминистическим настроением и высокими моральными принципами, Валида – жизнерадостная девчонка двадцати лет, заметная даже издали благодаря синим и розовым дредам, и Мари, полное имя и национальность которой остались тайной даже для организаторов игры – вся она была сплошной загадкой, густо подводила глаза сурьмой, а губы красила карминно-красной помадой, что, как ни странно, очень ей шло.

– У нас там ЧП, – пропыхтел Меджид, подбегая к Алтаю, – тот вышел за пределы храмового комплекса и со скучающим видом разгуливал по пустынной площади. – Этот Фархад теперь подрался с актёром.

– В самом деле? – заинтересовался Алтай. – Крови много было?

– Да какая там кровь! – с досадой ответил Меджид. – Пихали друг друга, орали, и всё. Но подсказку он добыл. Мы засчитали.

– Ну правильно. Сегодня мне будет нужна информация о наших рейтингах.

Эта информация стоила больших денег, но Алтай, у которого в кармане лежал контракт на два миллиона долларов, расходы не страшили.

Вечером, после показа второго эпизода, выяснилось, что рейтинг передачи достиг семидесяти процентов. Алтаю захотелось поделиться радостью такого успеха, и он пригласил в ресторан Меджида, Тарану – предмет амурных грёз режиссёра, второго ведущего (из вежли-

ности, хотя его никто не любил) и Анастасию, всё-таки худо-бедно помогавшую Алтаю добиваться своего.

На самом деле он испытывал такой душевный подъём, что с удовольствием позвал бы всю съёмочную команду, до последнего безымянного ассистента, но ресторанов, способных вместить компанию такого размера, у него на примете не было, да и значительная часть работников сейчас болталась где-то на пустошах между Апшероном и Сиазанью, ведя съёмку. Поэтому отмечать отправились малым – и довольно странным – составом.

Нюсики принарядилась, надев свою лучшую кофточку из синтетического гипюра с соблазнительно просвечивающим сквозь неё щедро украшенным бантиками бюстгалтером, и, довольная, уселась-таки на переднее сиденье рядом с Алтайем. Тот предавался мечтам:

– Это будет моя лучшая передача. Думаю, я на ней очень хорошо заработаю. Вот так. Стану на шаг ближе к своей мечте.

А мечтал он открыть свой собственный, посвящённый культуре канал на телевидении, который разительно отличался бы от прочего убожества. Там не будет лоснящихся от жира и дурного грима полуграмотных ведущих, ляпающих глупости в прямом эфире, не будет безвкусицы и уличных опросов, выставляющих народ кучкой невежественных болванов. Алтай обладал энергией и патриотизмом истинного реформатора, и это восхищало и одновременно изумляло Нюсики, которая никогда не пеклась ни о чём благополучии, кроме своего собственного. И тем не менее, она, как полагается хорошей, любящей женщине, выказала свою поддержку:

– Ты такой молодец! Нюсики так гордится тобой! Ты долго к этому шёл! Нюсики всегда верила в тебя и помогала тебе!

Её настроение сильно испортилось, когда она увидела, что Алтай пригласил Тарану.

– Что эта прошманда здесь делает? – спросила она, с трудом удерживаясь от крика.

– Не говори так о ней, она ничего плохого тебе не сделала, – холодно ответил Алтай, а затем, смягчившись, сказал: – Я ради Меджида её позвал.

– Ну конечно, – саркастически протянула Нюсики и со свойственным ей видом человека, который знает все чужие грязные тайны, притворно посочувствовала: – Бедный Меджид, он не знает, что наша мисс Таранчик любит мужчин повыше ростом, и покрасивее... и побогаче.

Алтай представлялся ей настоящим финансовым воротилой. Однажды он даже расчувствовался и сделал ей довольно дорогой подарок на день рождения. Дома у своего любимого Нюсики не была ни разу, но по его скупым рассказам представляла себе роскошный особняк с собственным садом в центре города. В мечтах она перебиралась в этот дом женой и полноценной хозяйкой, стерев из памяти все воспоминания об однушке на окраине возле городского кладбища.

На последнее замечание Алтай ничего не ответил, в очередной раз притворившись, будто не догадывается, о чём говорит Нюсики, а она истолковала его молчание как подтверждение своим словам. В отместку она начала остервенело кокетничать с Ведущим № 2, хотя ей были противны его прилизанные чёрные волосы, и выщипанные брови, и блудливое выражение классически правильного лица. Никто никогда не спрашивал Ведущего № 2 о его сексуальной ориентации, но на всякий случай мужчины не здоровались с ним за руку.

Заказали водку. Меджид застонал, словно ему было в тягость бражничать вторую ночь подряд, но пил много и радостно, в отличие от Алтая, который произносил долгие, насыщенные сложноподчинёнными предложениями тосты, а водку отпивал мелкими глотками.

– Алтай джигалит!⁴ – восклицал Меджид в разгар застолья, игриво толкая в бок смущённую Тарану – она ничего алкогольного не пила. Зато Нюсики налегала и на водку, и на Ведущего № 2, надменно-тупое выражение лица которого никак не менялось, что бы за столом ни происходило.

⁴ Джигалить – жульничать в игре, мухлевать.

– Пей нормально! Ты что, лимонад пьёшь?! – продолжал Меджид. Алтай только нежно улыбнулся. Утром ему нужен был свежий вид: он должен был зайти в NerGAL и подписать документы на перевод первой части денег.

Веселье, это унылое веселье тяжко работающих взрослых, у которых не осталось сил на захватывающие интриги и борьбу, веселье, о котором нечего потом рассказать, потому что всё, что оно оставляет – это похмелье и ощущение зря потраченного времени – шло своим чередом. Тарана пыталась есть кябаб ножом и вилкой в надежде, что её изящные манеры поразят Алтая, смеялась громко и слегка повизгивая, если он говорил что-то забавное, а половины тела Нюсики жили двумя отдельными жизнями: нижней она орудовала под столом, то пытаясь погладить ногу Алтая, то как будто нечаянно пиная Тарану коротким толстым каблуком. Верхняя часть тела Нюсики, включая её голову, была повернута к Ведущему № 2, который весь блестел от пота и усилий понять, какого чёрта он вообще здесь делает и что от него хочет эта «бухгалтерша» (так он определял про себя место Нюсики подле Алтая). Таким образом, весь их круглый стол напоминал посещённое не то шутниками, не то инопланетянами поле, где колосья растений уложены по часовой стрелке: Нюсики склонялась влево к Ведущему № 2, Ведущий № 2 – от ужаса и безысходности – к Меджиду, Меджид, всё более и более храбрый, пытался прильнуть к Таране, а её неумолимо кренило в сторону Алтая. И только Алтай, которому по логике кинематических законов их стола следовало нагибаться к Анастасии, сидел прямо и всё говорил и говорил, мало смущаясь тем, что его, кроме Тараны, никто не слушает, а Тарана и половины слов не понимала, тем более что в своих речах Алтай уже успел углубиться в историю древних веков. Его прервал истерический визг Ведущего № 2:

– Да от...сь ты от меня!!!

Нюсики, вся пунцовая, отпрянула от него и злобно ответила:

– Нах... ты мне нужен, возомнил тут из себя! – Она быстро подо двинулась к Алтаю, ухватила его под руку, склонила голову ему на плечо и начала упиваться ошеломлённым видом Тараны. Чтобы добить соперницу, она забрала стоявшую возле неё тарелку с соленьями и спрятала возле своего левого локтя. Соленья, как и Алтай, были для Тараны безвозвратно утрачены, и эта мысль грела Анастасию до конца вечера.

Когда заказали чай – было совсем поздно, они остались в ресторане последними посетителями – и за столом, наконец, воцарилась расслабленная тишина, Алтай вдруг что-то дёрнуло проверить почту.

Письмо от NerGAL повисло в самом верху списка, чёрное, жирное и непрочтённое. Алтай не ожидал от них посланий, и нехорошее предчувствие ударило его в горло ещё до того, как он открыл письмо.

«К сожалению, вопрос о спонсировании Вашего проекта откладывается на неопределённый срок. Бюджет текущего квартала израсходован, а в бюджете следующего квартала такие расходы не предусмотрены.»

Алтай уставился на письмо. «Это что, какая-то глупая шутка?» «Они что, спутали меня с кем-то?» «У нас же официальный контракт!» Удивительно, как много мыслей могут прийти в голову одновременно. В моменты кризиса они поражают мозг ковровой бомбардировкой, не оставляя в нём ничего, кроме паники.

Впрочем, Алтай, привыкший полагаться на здравый смысл окружающих (подобно всем здравомыслящим) и на их порядочность (подобно всем честным людям), был уверен, что это не более чем недоразумение, временная заминка. Сумма для такой компании как NerGAL была ничтожной, не стоило ради неё позориться – всё равно что отобрать у ребёнка петушка на палочке и торжествовать по этому поводу.

По его отрешённому взгляду Нюсики поняла – случилось нечто неприятное. Она было сунулась носом в телефон, но Алтай резко убрал его в сторону и сказал:

– Я сколько раз тебя предупреждал, чтобы ты не лезла в мой телефон?!

Пару раз он нарочно оставлял его, не защищённым паролем, на видном месте без присмотра, зная, что Нюсики ни за что не упустит возможности прочитать его переписки. Он надеялся, что, уличив его в романтическом общении с другими девушками, она сама разорвет отношения, но Нюсики только устраивала скандалы, заканчивавшиеся рыданиями и обещаниями стать женщиной, достойной Алтая. Меджид смеялся и поддразнивал своего друга: «Это, наверное, настоящая любовь! Вот посмотришь: Анастасия – твоя судьба!» Алтай представлял себе такую судьбу и содрогался.

– Что случилось? Я же вижу, что какая-то херня случилась. Не скрывай ничего от своей Нюсики! Не смей, слышишь?!

– Потом расскажу, – процедил Алтай и попросил официанта принести счёт.

– Пошлите в караоке! – совсем повеселевший Меджид хотел продолжения.

– Завтра опять никакой будешь, – осадил его Алтай, стремительно мрачней. – Выспись хотя бы один раз нормально.

Все поглядели на него с замешательством, а он надел куртку, давая понять, что празднование окончено.

– Что случилось? – шепнул Меджид, пока все собирались.

– Они отказались выдавать деньги.

– Что?! – Меджид очень громко и замысловато выругался.

Когда их развозили по домам, Алтай показал письмо Меджиду и Анастасии.

– И... что теперь будет? – растерянно спросила Нюсики. – Мы остановим передачу?

– Теоретически, я могу это сделать. Если хочу, чтобы больше ни одна телекомпания со мной не работала. – Алтай кусал себя за нижнюю губу, которая, не выдержав, лопнула по старому шраму и начала кровоточить.

– Это ты себя сглазил, – заявила Нюсики, разозлившись вдруг. – Не надо было заранее тут писаться от радости!

– Заткнись, – устало попросил Алтай. – А то как бы тебе не описаться, вон как налаклась. – Он не был любителем грубить девушкам, но иногда, в самые страшные моменты жизни, ярость заставляла его забывать обо всех принципах. С заднего сиденья слышались ожидаемые всхлипы. Алтай стиснул зубы, мечтая как можно скорее оказаться дома.

Темнота в доме показалась ему ещё более плотной, чем обычно. Зарываясь с головой в тонкое, местами начавшее рваться одеяло, Алтай подумал: «Наверное, не просто так мне мама приснилась. Ничего, завтра с утра я сам пойду к ним и поговорю лично. У меня на руках официально подписанный контракт. Это что-нибудь да значит».

Нюсики, засыпая (голова её приятно кружилась от водки), думала: «Когда происходит жопа, сразу становится видно хорошую, преданную женщину. Я докажу ему...» – и она заснула, а во сне увидела свадьбу Алтая, но не она была невестой, а почему-то её мать. Из-за этого всё следующее утро Нюсики бросалась на мать, ругая её последними словами, а та никак не могла понять, чем так насолила дочери.

Глава 2

Рейхан не шутит, говоря, что умеет летать. Это и правда даётся ей легко: слегка оттолкнуться от земли, зависнуть, затем взмахнуть руками – сущий пустяк, совсем не так, как плавать в воде, вода сопротивляется. Когда Рейхан летит вдоль городских улиц, ветви деревьев нежно бьют её по лицу. Иногда одного намерения взлететь недостаточно, и тогда она шагает из окон, прыгает с башен и обрывов, потому что ей ничего не стоит превратить падение в полёт. Главное в этом деле – убедиться, что ты действительно спишь. Иначе может выйти конфуз.

Стоя на покато подоконнике, готовясь к прыжку, Рейхан строго напоминает себе, что она никак не может сейчас бодрствовать, поскольку на самом деле живёт в одноэтажном доме, стало быть, ей ничто не грозит. На всякий случай она просовывает руку сквозь оконное стекло, и стекло сначала упруго сопротивляется, словно сделано из мармелада, а затем исчезает.

Рейхан позволяет ногам соскользнуть с подоконника, но вместо ожидаемого короткого рывка, от которого желудок неприятно вздрагивает, как перед первым поцелуем или выступлением на публике, субстанция, заменяющая сновидениям воздух, подхватывает её невесомое тело огромными волнами, и Рейхан парит над городом, стараясь рассмотреть его во всех подробностях. Она пытается не дать эйфории захлестнуть себя, как случилось в самый первый раз, когда от перевозбуждения она проснулась через пару секунд после начала самого интересного.

С высоты человеческого полёта город очень красив – все эти типичные для подобных городов черепичные крыши, маленькие площади, кривые улочки. И вдруг Рейхан чувствует *это*. *Это* почти никогда не накатывает на неё вне сновидений, а в сновидениях сопровождает такие банальные события, что Рейхан не знает, что и думать. Если бы *это* можно было описать словами, то она назвала бы его «Предвидением Великих Перемен». Чаще всего оно посещает Рейхан почему-то в бессюжетных снах, где она отправляется в кафе или на прогулку, но интуиция так и заходится криком, словно в конце обыденного пути ждёт величайшее сокровище в жизни. Проснувшись, Рейхан со смутной надеждой повторяет свои перемещения из сновидений в реальности, но ничего не происходит.

А сейчас *это* велит ей приземлиться на одной из укромных площадей. На площади толпятся тени. Рейхан до сих пор не уверена: эти люди в сновидениях – реальны ли они, спят ли они так же, как и она, переносясь при этом в некое общее виртуальное пространство, или они – всего лишь декорации в её собственном театре? Вторая версия кажется ей более правдоподобной, потому что, когда Рейхан пытается поговорить с ними или взаимодействовать любым образом, эти существа ведут себя подобно персонажам компьютерной игры: набор их действий ограничен, а черты лиц – схематичны.

Рейхан оглядывает площадь. «Я – Рейхан, меня зовут Рейхан, – повторяет она не то вслух, не то мысленно (сейчас это – одно и то же), – мне почти тридцать лет, и я чрезвычайно умна и хороша собой. Да».

Первые этажи домов – сплошь аквариумы витрин, в одной из них Рейхан замечает большое старинное зеркало. Зеркала – редкий реквизит в сновидениях, и почти никогда не выполняют своих прямых обязанностей. Однажды Рейхан читала в интернете историю: во сне человек посмотрелся в зеркало, и увиденное так напугало его, что он больше никогда не смог заснуть. Это, скорее всего, выдумки. Но, тем не менее, общее мнение сновидцев таково: никогда не глядись в зеркало.

Рейхан идёт к зеркалу.

Сначала она видит в нём себя, и выглядит как обычно, лишь несколько красивее, как будто смотрит на себя глазами сильно влюблённого мужчины – длинные, буйно выющиеся волосы цвета меди не спутаны, как обычно, а лежат аккуратными локонами, небольшой рот

ярче, губы словно искусаны, смягчённая линия подбородка, в жизни тяжеловатого, придающего её лицу непреклонный вид. Демонстративно пожимая плечами, Рейхан собирается отвернуться от зеркала, но изображение в нём начинает меняться, открывая её глазам высокую фигуру на фоне беспокойного пламени. Фигура выдыхает дым, тонкая нить его змеёй выползает из зеркала и лезет в нос. Неожиданно Рейхан начинает кашлять и делает заметку у себя в голове: во сне сигаретный дым не менее гадкий, чем наяву.

– Эй ты! – кричит она, и фигура подходит ближе к зеркалу. – Ты в моём сне, давай туши свою никотиновую палочку, или, клянусь, я превращу её в римскую свечу!

Теперь персонаж с сигаретой совсем близко, и Рейхан пытается разглядеть его, но сосредоточенность стремительно покидает её. Широкие плечи, золотистые блики на пушистых каштановых волосах, вот и всё, что она успевает заметить. И его вопрос – «А что такое римская свеча?», прежде чем она выплывает к яркому свету.

Глава 3

*Ом, поклонение почитаемому Ганеше.
Благополучие! В эру почитаемого царя Викрамадитьи для
почитаемого огня портал построен.
Странствующий аскет Канчангир отшельник. Махадевы
Котешивары, Рамадаты житель.
Восьмой день тёмной половины асоджа 1866 года.
Надпись на центральном алтаре храма Атеишгях*

Рейхан

17 октября

Кровать была поставлена у окна так хитро, что восходящее солнце будило Рейхан нежным розовым светом, падавшим прямо на лицо. Никаких тревожных сигналов с прикроватной тумбочки, никаких блужданий зимой во тьме. В пасмурную погоду она позволяла себе подольше оставаться в мире сновидений, к счастью, род её занятий не предполагал чёткого распорядка дня. Рейхан сунула ноги в тёплые домашние сапожки – отчего-то в этом году их смена наступила рано, если так будет продолжаться, то скоро придётся спрятать туфли и достать сапоги и ботинки – выбралась из постели, стараясь не разбудить дремлющего кота, пошла в кухню и поставила чайник на огонь. Пока он нагревался, Рейхан большой метлой собирала в кучу опавшие листья. Благодаря этому простому упражнению сонное оцепенение уступило место привычной бодрости, и она в своё удовольствие гоняла листья по двору, пока из распахнутого окна не донеслись первые посвисты чайника.

Некоторое время Рейхан разглядывала пучки трав и банки со специями, раздумывая, каким напитком ей хочется начать день, и пришла к выводу, что промозглым утром чай с имбирём, мёдом и лимоном будет к месту. Нарезая свежий имбирный корень, она думала о своём сне, а точнее, о персонаже, которого повстречала. Он был грустным, и, хотя Рейхан давно уже вышла из того возраста, когда грустные мужчины казались ей привлекательными (опыт научил её, что печальный образ – либо маска, скрывающая душевную пустоту и отсутствие чувства юмора, либо приманка, вроде червяка, на которую ловят сердобольных женщин), этот вызывал что-то вроде желания позаботиться о нём. Рейхан залила ломтики имбиря и лимона кипятком, бросила в заварной чайник – тёмно-оранжевый, толстобокий, радушный – щепотку красного перца, и, пока всё настаивалось, подробно записала свой сон в дневник. В тексте, обычно документально сухом, на этот раз сквозило странное сожаление. Но, помешивая мёд в чашке с чаем (девять кругов по часовой стрелке и стандартный утренний заговор на удачу и вдохновение), Рейхан совсем забыла свои ночные приключения, к тому же проснулся кот, потребовал завтрак, и новый день помчался галопом.

Главная клиентка ожидалась в девять утра. Она никогда не опаздывала, ведь была настоящей бизнес-леди. И если вторая часть слова вызывала у Рейхан определённые сомнения, то первая соответствовала действительности в полной мере, потому что Ясмин (для всех, кроме Рейхан, которая сама устанавливала правила, – Ясмин ханум) владела крупнейшей в городе сетью салонов красоты (или «эстетических клиник», как она любила их называть); главный филиал она открыла на деньги своего богатого мужа, но его успех и расширение до сети были уже её личной заслугой.

К девяти часам Рейхан заварила зелёный чай с жасмином – другого Ясмин не признавала, утверждая, что цветок, в честь которого её назвали, превращает горькое болотное пойло в божественный нектар, и Рейхан всегда находила эту своеобразную аутофагию забавной.

– Я опять себе чуть все ноги не переломала, – пожаловалась Ясмин вместо приветствия и, схватив Рейхан за затылок, страстно поцеловала её чуть ли не в губы. – Нет, серьёзно-э, ты почему в нормальном месте себе квартиру не возмёмшь? У вас здесь даже припарковаться негде. – Подобно всем людям, никогда не испытывавшим ни малейшего стеснения в средствах, Ясмин была горазда задавать нетактичные вопросы вроде: «А чего ты в отпуск никуда не едешь? Езжай в Париж, там клёво-э» и задавала такие вопросы всем подряд, даже своим собственным работницам, хотя прекрасно знала, сколько они получают. Может быть, ослеплённая достатком, Ясмин считала, что у всех мужья – миллионеры, а в салоне они работают исключительно из любви к красоте и созиданию.

– У меня свой дом с садом почти в самом центре города, – одним точным пинком Рейхан пресекла очередную попытку кота познакомиться с прекрасным миром за пределами дома и впустила посетительницу. – Мне нравится.

– К тебе по этим дорогам и лестницам пока допрёшь, ещё и на каблуках, сто раз упадёшь.

– Только отважным и непоколебимым покоряется путь ко мне, – усмехнулась Рейхан. – Если человек не в силах преодолеть дырявый асфальт и разбитые ступени ради изменений в жизни... значит, пусть остаётся там, где есть...

Ясмин уже не слушала её. Пройдя в процедурную комнату, она улеглась на массажный стол, вдруг напомнив Рейхан добровольца на капище. По её лицу скользили косые лучи света, пробивавшие себе дорогу от окна к полу сквозь взвесь магической мерцающей пыли и воздуха. (На самом деле пыль по комнате летала самая обыкновенная, бакинская, строительная, но в доме Рейхан всё в глазах её гостей приобретало таинственный и волшебный вид.)

Как ни странно, Ясмин была одной из самых простых клиенток Рейхан. Трудности, сопровождающие жизнь обычных людей, не омрачали её беспечного существования, и от Рейхан ей требовались лишь поразительные средства для ухода за кожей и умелые руки, избавляющие от последствий некоторых косметологических вмешательств, которыми владелица салонов красоты злоупотребляла с тридцати лет, когда первые признаки старения напугали её так, как не напугало даже осознание собственной смертности. Впервые увидев Ясмин, Рейхан, многое повидавшая и готовая ко всему, едва сумела сохранить нейтральное выражение лица. Потребовались героические усилия союзных войск, состоявших из фармацевтического образования Рейхан, её навыков массажистки и, конечно, особой силы, стоившей – в случае Ясмин – огромных денег. Полгода спустя Ясмин вернула себе человеческий облик, а ещё через пару месяцев стала похожа на себя двадцатилетнюю – зеленоглазую красавицу, в которую до беспамятства влюбился преуспевающий предприниматель из хорошей семьи. Ясмин посещала дом на холме ежедневно, за исключением времени, что она проводила на курортах. Эти взаимовыгодные визиты длились уже несколько лет, и всякий раз Ясмин повторяла свой монолог, так, что Рейхан казалось, будто она попала в чистилище, где вынуждена бесконечно смотреть один и тот же спектакль. Монолог неизменно начинался с жалоб на неудобное место жительства Рейхан, а заканчивался хвалами её искусству. На прощание Ясмин обычно хвастала: «У меня все подруги уже повылезли из лифчиков от удивления – как это я так хорошо выгляжу! А я им говорю – это всё процедуры в моих клиниках, а про тебя молчу. Ты – моё секретное оружие!» «Ах ты ж подлая старуха, – думала Рейхан, однажды ради интереса подсчитав, сколько денег могли бы принести ей другие жёны миллионеров, если бы Ясмин рассказала им о ней. – Лишает меня выгодных клиентов и ещё радостно сообщает мне об этом!» – и постоянно боролась с соблазном хорошенько её проучить.

Рейхан зашторила окно и зажгла ароматические свечи, десятками стоящие на полках с зельями и кристаллами розового кварца. По фиолетовым стенам замечались соперничающие

друг с другом прозрачные тени, и процедурная стала похожа на тайное святилище, спрятанное в пещере. Все клиентки Рейхан были уверены, что такую атмосферу она создаёт для их комфорта, на самом же деле Рейхан зажигала свечи для себя – они помогли ей настроиться на нужный лад. Стоя в коконе дрожащего света и мистического запаха, она ощущала, как энергия, которую она копила в себе, собирая её повсюду, напитываясь ею под солнечными лучами и пепельным свечением луны, одалживая у растений, животных и драгоценных камней, умножая медитациями и чудными, если смотреть со стороны, упражнениями – вся энергия устремилась по её велению в кончики пальцев, и оттуда – в лицо женщины, лежавшей перед Рейхан на столе, с волосами, спрятанными под шапочку, какие обычно надевают на людей перед операцией, и из-за этой шапочки вид у женщины был униженным и беспомощным. Рейхан на мгновение задалась вопросом: а что, если она по какой-то причине откажет Ясмин в своих услугах? Станет ли та ломиться к ней в дом по ночам, моля и угрожая? «Вот был бы номер», – подумала Рейхан и резко выдохнула воздух, спрятав в этом выдохе смешок. Когда маленькое озеро масла согрелось в ладонях, она принялась за работу.

Кварталы, занимавшие холм, походили на очень старое, уродливое животное вроде *Psychrolutes marcidus*, рыбы-капли, распластавшееся по склону, и жилище Рейхан было одной из клеточек его тела. Эта клеточка так сильно выделялась из общей массы, что новые клиенты, приходившие к Рейхан в поисках лучшей доли, никогда не затруднялись найти нужный дом. Белоснежный среди примыкавших к нему грязных, облезающих лачужек, с бережно сохранёнными старыми окнами и ставнями из дерева, такими же синими, как дверь во двор, он выделялся своей опрятностью и скромным шармом. Кроме того, над входом были начертаны оберегающие символы. Дом смотрел фасадом на небольшой обрыв, поросший деревьями и мягкой травой, землю на своей части улицы Рейхан выложила аккуратной плиткой, а у самого края обрыва расставила большие горшки с растениями. Когда она только собиралась заселиться сюда (после смерти бабушки, оставившей ей дом в наследство), Рейхан поразилась опасно-кривому, разбитому асфальту, покрывавшему весь холм (хотя, уместнее сказать – «разбросанному по всему холму»), и прошлась по соседям с предложением собрать немного денег и отремонтировать дорогу, чтобы никто не падал и не подворачивал себе ноги. Соседи отнеслись к её предложению более чем холодно, а некоторые и вовсе не скрывали своего подозрительного отношения к молодой девушке, которая собралась жить рядом с ними одна, без родителей или мужа; никак проститутка или ещё хуже – просто любительница мужчин, за бесплатно. Но меньше чем через год к Рейхан валом повалили не мужчины, как ожидалось, а женщины, и к тому времени даже самые туго соображающие из соседей поняли, кто поселился в доме старенькой тётушки Солмаз, а Рейхан наняла мастеров, и они замостили участок строго перед её домом. Соседи старались не ступать на этот участок, предпочитая кривую, но свою, родную, не оплаченную дорогу в обход. Так Рейхан устроила себе маленький рай среди грязи и разрухи.

С Ясмин она закончила работать в десять. Как и всегда, та долго вертела лицом перед зеркалом, любуясь результатом, но в этот раз Рейхан отчётливо уловила особые вибрации в её настроении, каких раньше не было, неуверенность, несвойственную этой женщине.

– Вы хотите меня о чём-то спросить? – Рейхан не стала дожидаться, пока Ясмин решится или передумает – следующая клиентка должна была явиться в половине одиннадцатого, Рейхан всегда распределяла часы приёма так, чтобы её посетительницы не встречались друг с другом, в городе все знают всех, даже не состоящие в личном знакомстве люди шпионят друг за другом через соцсети, а потому лучше не рисковать.

Ясмин состроила было болезненную гримасу, но быстро опомнилась и похлопала себя по лбу, чтобы разгладить кожу.

– Ничего от тебя не скроешь, да? Ладно. Скажу. Мне вот что-то в последнее время кажется, что муж гулять начал.

– А, – вежливо ответила Рейхан, не особо удивившись. – Ясно. Я проверю.

– Я не точно уверена-э, – Ясмин принялась размазывать кучу лишних слов по убегающему полотну времени, отдавая себе отчёт в своей уязвимости и словно пытаюсь оправдаться за неё. – Он вообще не такой, он меня любит, я, наверное, просто себя накручиваю, но ты же можешь проверить, да?

– Конечно, обязательно проверю, – пообещала Рейхан, которой смертельно хотелось выпроводить Ясмин и выпить первую за день чашку кофе (имбирный чай, это, конечно, очень полезно и многое говорит о выдержке употребляющего его, но Рейхан не могла долго лгать себе – нездоровая страсть к кофе была сильнее неё). – Не беспокойтесь. Это больше не ваша забота. – И она начала оттеснять Ясмин к двери.

– Я тебе за это отдельно заплачу, – Ясмин покровительственно тронула Рейхан за плечо, обретя былую уверенность, как только речь зашла о деньгах.

– Там видно будет, – небрежно ответила Рейхан, мысленно попросив мужа жены миллионера оказаться настолько неверным, насколько это было возможно при его сомнительной внешности. – Завтра в это же время, да?

Пока в медной турке с узким горлышком медленно вспухала, словно миниатюрный вулкан, шапка кофейной гущи, Рейхан позвонила своей подруге Джамиле. Помимо общих воспоминаний детства, Рейхан ценила Джамилю за то, чего сама Рейхан не имела – троих детей от разных отцов и автомобиль от неизвестного дарителя, а также специфический опыт, о котором подруга распространялась охотно, долго и подробно. Рейхан слушала эти рассказы с вежливым интересом инопланетянина, чей вид размножается вегетативно, а у третьей подруги, Эллады, эротические откровения Джамиле вызывали лёгкую дурноту, хотя она сама уже пять лет как наслаждалась замужеством.

Сегодня Джамиля была нужна подруге в качестве персонального водителя. Три года назад Рейхан и сама получила права, но пару раз повстречав пешеходов, которые, словно олени, оказывались в совершенно неожиданных местах скоростных трасс, потеряла веру в правила дорожного движения и предпочла пользоваться преимуществами дружбы. И, хотя Джамиля позволяла себе красить губы посреди сложной развилки или щебетать по телефону, проезжая на красный свет, Рейхан, в первую их совместную поездку тайно подложившая в машину дорожный оберег, была спокойна. Несколько раз они чудом избежали аварий.

– Джама, ты ведь помнишь, что мы хотели поехать в Атешгях? – этим невинным вопросом Рейхан создала для Джамиле иллюзию того, что поездка была их общей затеей, а не капризом самой Рейхан.

Мысль об этом паломничестве давно уже зрела в её голове, но как-то постоянно не хватало времени, однако, восстановив в памяти детали последнего сна, Рейхан решила, что место, явившееся фоном для незнакомца в зеркале, само зовёт её, и лучше бы ей оказаться там как можно раньше. Онейромантия никогда не была в числе её любимых искусств, но раз уж произошло такое совпадение, да и середина дня у неё выдалась свободная...

Если Джамиля и запланировала какие-то дела, то она не посмела сказать об этом Рейхан, предвкушавшей теперь небольшое путешествие, в которое они должны были отправиться сразу после того, как Рейхан закончит со следующей клиенткой.

Её звали Жаля, и она опоздала на сорок минут.

– Я ждала вас сорок минут назад, – прошелестела Рейхан холодным ведьмовским голосом, но, быстро просканировав взглядом потерянное лицо молоденькой девушки, решила не придуриваться и уже с человеческими интонациями пригласила её войти в дом.

Усевшись за стол в кухне, служившей одновременно и столовой, и гостиной, они молча воззрились друг на друга. Рейхан нетерпеливо стучала по полу ногой – Джамиля уже дважды звонила, спрашивая, не пора ли ей выезжать. Жаля, похоже, заговаривать первой не решалась.

В её безымянный палец впилося обручальное кольцо. Никто из замужних знакомых Рейхан не носил кольца: кто-то поправился и не влезал в него, кому-то оно просто действовало на

нервы. «Из этого следует, – решила Рейхан, – она замужем не так долго и очень своим замужеством гордится. Гордилась раньше, теперь уже нет... раз она у меня. Вид у неё довольно цветущий, стало быть, никто из родни мужа джаду на неё не делал. Не может родить? Рано ещё отчаиваться, совсем молодая. Значит, виновник – муж!» И она спросила:

– Ну, что он сделал?

– А-а-а... – удивлённо протянула Жаля. – Как вы узнали?

– Мой девиз – *cherche l'homme*, – пробормотала Рейхан, обращаясь больше к себе, чем к ней.

– Что? Не поняла, – бедняжка, видимо, совсем не соображала под гнётом своих реальных или придуманных проблем.

– Почти во всех бедах, которые случаются с моими клиентками, виноваты мужчины, – растолковала ей Рейхан и слегка сдвинула брови. – Что многое говорит мне о женщинах... Так что натворил ваш... муж?

Непрерывно вращая на пальце кольцо, словно пытаясь содрать кожу, Жаля так низко опустила голову, что её подбородок чуть ли не вжался в грудь, и Рейхан поняла, что здесь не обойтись без располагающих к дружеской беседе средств.

– Так, Жаля. Будем на «ты», хорошо? – получив утвердительный кивок, Рейхан поднялась со стула и скользнула к плите. – Я сейчас вскипячу воду, налью тебе чай... Ты любишь зелёный с жасмином?

– Не очень, – прошептала Жаля. – Можно чёрный?

«Вот зараза».

Возясь с заварочным чайником (листья зелёного чая убрать в специальное ведро с компостом, заодно проверить, как там компост, не забыть подсыпать земли в горшок с гортензией, пожалуй, она сделает это прямо сейчас, а не то снова забудет), Рейхан залюбовалась красотой своего маленького садика и почти забыла про Жалю, без движения сидевшую на стуле, старом деревянном раскладном чудовище, чьё суровое сиденье Рейхан прикрыла мягкой лоскутной подушечкой.

От печенья и конфет Жаля отказалась, то ли из соображений «диеты», то ли потому, что на нервной почве у неё пропал аппетит, но горячая чашка в руках придала ей уверенности, и она наконец решилась озвучить суть дела:

– Меня вам подруга посоветовала... Ой! Наоборот. Тебе меня посоветовала... Ой! В общем, она сказала, что ты любые проблемы решить можешь.

– Не любые! – ужаснулась Рейхан, представив, что начнётся, если такие рекомендации достигнут ушей людей, привыкших понимать всё буквально. – Я решаю проблемы, которые *в принципе* можно решить. И только если человек сам готов что-то для этого делать.

– Мой муж хочет, чтобы я была... Ну... Ай да-а-а, не могу-э я об этом говорить. Хочет, чтобы я... ну, с его друзьями...

– Он хочет, чтобы ты стала *sexwife*, – помогла ей Рейхан, активная гуманистическая деятельность которой вынуждала её быть в курсе всех сексуальных трендов, желала она того или нет.

– Да, – пискнула Жаля и щедро посолила свой чай слезами стыда.

– А ты не хочешь?

– Нет, конечно!

– Что, страшненькие у него друзья? – не удержалась Рейхан. Жаля посмотрела на неё с непониманием.

– Так разводишься. За эту консультацию я с тебя даже денег не возьму.

– Я хочу сохранить семью!

Настал черёд Рейхан смотреть с непониманием.

– У вас есть ребёнок? – осторожно спросила она.

– Пока нет. Но я очень хочу!

– От него или от его друзей? – фыркнула Рейхан, вызвав этим замечанием новую порцию слёз. Дождавшись завершения осадков, она задала ещё один вопрос: – А чем он аргументирует своё желание?

Жаля повела мучительно косноязычное и долгое повествование о своём замужестве. С женихом её познакомила мать, которая знала о кандидате всё, что было нужно: он из приличной, состоятельной семьи и отучился в Америке. Следующим пунктом обязательной программы успешной жизни значилась женитьба на скромной домашней азербайджанской девушке, и мальчика вернули домой. Мальчик вкусил свободы и возвращаться не хотел, но позволил себя заставить. Встречались будущие муж и жена только в присутствии родственников, на свадьбах, обрядах обрезания и днях рождения. На свидания жених Жалю не звал – не хотел, однако её это не смущало. Чтобы в кафе посидеть, у них вся жизнь будет впереди – так она считала. Хотя было одно двойное свидание: он притащил с собой друга, тоже учившегося где-то в Штатах, и его невесту. Вчетвером они сидели на диванчиках и пили чай, друзья болтали без умолку и смеялись над какими-то своими тайными шутками, а девушки молчали и изредка переглядывались, смущённо улыбаясь.

– Ты знала, что это его родители хотят, чтобы он женился, а не он сам?

– Нет, – Жаля ударилась зубами о чашку, да так, что Рейхан содрогнулась. – Мне сказали, что он хочет жениться. Он недавно только сказал мне, что не хотел.

– И ты, конечно, не знала, какие у него предпочтения? До свадьбы у вас ничего не было...

– Конечно, нет! – возмутилась Жаля. – Нельзя же так!

– Почему нельзя?

– Ну как... что он обо мне подумал бы?

– Ага, а сейчас он думает, что ты жена, которую можно подкладывать под своих друзей.

Отличная репутация!

Жаля со стуком поставила чашку на стол.

– Вы если мне такие странные вещи говорить будете, я, наверное, пойду.

Одним взглядом Рейхан заставила её снова схватиться за чашку и сжаться в комок.

– Я могу тебе помочь. Но для этого ты должна строго выполнять мои указания.

– Хорошо. Я буду. Что мне делать?

– Иди домой. И ложись спать в десять часов. Оказавшись в затруднительном положении, всегда пораньше ложись спать.

– Но мы идём на свадьбу! Мне на маникюр ещё надо и на укладку с макияжем!

– Ты что, жениха отбить собираешься?

– Нет! – Жаля распахнула глаза, в шоке глядя на Рейхан.

– Тогда к чему такие усилия?

– Свадьба же...

«Конечно, свадьба, святое дело. Она, небось, и платье себе новое купила. А ведь это даже не её свадьба. Бессмысленно убеждать её не идти. Явно не из тех, кто себя любит».

– Ладно. Мне надо подумать. Я напишу тебе в Whatsapp.

– И всё? – спросила Жаля. – Вы – ты не погадаешь мне на Коране?

– Гадать на Коране – это оксюморон и святотатство. В исламе запрещены гадание и колдовство.

– А я знаю женщину, которая смотрит судьбу по Корану, – Жаля озадаченно нахмурилась.

– Она попадёт в ад, – заверила её Рейхан.

Этими краткими теологическими дебатами окончился сеанс Жали. Заперев за ней дверь, Рейхан почувствовала, что ей как никогда необходимо очищение огнём.

Усевшись на приятно пахнущее сиденье автомобиля, Рейхан поцеловала Джамилю (её щека была гладкой и мягкой, как кошачья пяточка, и Рейхан испытала тактильное удовольствие и гордость за свою работу, ибо это она приготовила для подруги все косметические средства, которыми та пользовалась) и сказала:

– Пожалей меня, ко мне опять пришла одна из этих. Тех, которые высказывают замуж, не проверив жениха. А жених затейник оказался.

Джамиля расхохоталась.

Когда они приехали в Сураханы, немного распогодилось, ветер, с утра дувший так сильно, что у Рейхан, когда она шла к машине, создалось ощущение, будто её бьют тряпкой по лицу, улёгся, подобно дракону, который устал бесноваться, решив, что достаточно уже принёс разрушений. Рейхан глубоко вдыхала посвежевший воздух, думая, до чего же всё-таки приятно иногда выбираться из города, пусть даже в такое безжизненное место, как Сураханы. Здесь жил только огонь.

Широкую площадь перед входом в Атешгях оккупировали огромные автобусы. Из них непрерывным чёрно-белым потоком выходили индийцы.

– Если они все одновременно набьются в храм, я к огню не протолкнусь, – сказала Рейхан, наблюдая за их передвижениями. Собираясь плотными кучками, они поджидали своих гидов, чтобы двинуться к кассе.

– Скорее, за билетами! – воскликнула Рейхан и ринулась к киоску, пока толпа огнепоклонников и индуистов (ей представилось, как на протяжении многих веков, что бы ни происходило в мире, они не переставали приезжать, сменяя друг друга в кельях, где предавали себя аскезе и умирали, а тела их сжигали на священном огне, к большому негодованию зороастрийцев, должно быть) не перекрыла им с Джамилей вход.

– Смотри, здесь написано, что для граждан страны билеты стоят два маната, а для иностранцев – четыре. Какое милое гостеприимство. Должно быть, это оттого, что иностранцы нечестивы.

– Я тоже нечестива, – довольно заметила Джамиля.

– Но ты много страдала.

– Да, я всю жизнь страдаю за любовь.

(И это была правда. С первого класса Джамиля влюблялась в мальчиков, бегала за ними, покупала им в буфете запретные пирожки, жаренные во фритюре, булки и разноцветных животных на палочках, ходила счастливая несколько дней, потом случалась драма, мальчики раскрывали всё свойственное их полу подлое коварство, и Рейхан с Элладой утешали подругу, рыдающую в туалете. Время шло, девочки росли, а в отношениях Джамилы с противоположным полом ничего не изменилось, разве что в какой-то момент она научилась не столько отдавать, сколько брать. Это Рейхан вправила ей мозги, убедив Джамилю, что если уж мужчины не могут подарить ей настоящей любви, то пусть хотя бы расплачиваются за её растрёпанные нервы чем-то существенным.)

Подруги прошли арки входного портала и оказались во дворе караван-сарая, разросшегося вокруг храма. По двору бродили туристы, кое-кто топтался перед священным огнём и фотографировал, но, когда Рейхан поднялась по ступеням квадратного в плане и открытого со всех сторон алтаря, все предпочли расступиться, и Рейхан беспрепятственно подошла и вгляделась в пляшущее пламя, не угасающее уже много веков. «Интересно, – подумала Рейхан, – обладает ли вечный огонь памятью?»

Играя воображением, она видела в огне то пляшущих саламандр, то бога Агни, то Бригитту, которая ободряюще улыбнулась ей. У Рейхан закололо в кончиках пальцев, затем в ладонях и ступнях, ей показалось, что она сейчас взлетит, совсем как во сне. На неё снизошло удивительное чувство влюблённости, ей захотелось танцевать или кричать, обрушиться проливным дождём на землю, совершить что-нибудь огромное и дикое, но она так и не смогла

придумать – что, поэтому припрятала распирающую её энергию под сердце и начала спокойно, хотя и не сдерживая счастливой улыбки, смотреть по сторонам.

Группе индийских туристов наконец удалось попасть внутрь, и теперь они рассыпались по двору, заходили в молельни, с недоумением обнаруживая там крашенные гипсовые скульптуры, изображающие их самих столетия назад, заглядывали в ямы и колодцы, пробитые в скале, склонялись над маленькими кострами, горевшими по бокам главного храма, брали из них куски угля и с интересом вертели в руках. Один из них, немолодой, но статный, в белых одеяниях и белой чалме, поднялся к алтарю, обернулся на Рейхан, чуть не сразив её наповал красотой своих невероятных голубых глаз, и спокойно сунул руки в огонь. Рейхан, не скрывая любопытства, подалась вперёд. Руки брахмана (должно быть, он был брахманом, хотя Рейхан не особенно разбиралась в индуистских варнах) оставались невредимыми, он умывал их священным огнём, искоса посматривая на Рейхан, которая была удивлена больше этими быстрыми взглядами, чем его неопалимостью, хотя уже привыкла к тому, что в её обществе даже самые целомудренные мужчины начинали вести себя странно. Недолго думая, она тоже отдала свои руки на растерзание огню, и индиец отшатнулся, потрясённо воззрившись на то, как Рейхан держит руки в огне и не горит. И всё же она кое-что почувствовала. Это была боль, но боль принадлежала не ей и не являлась физической, скорее, эхо, отпечаток боли кого-то, кто нуждался в её помощи.

– Так, Рейхан, хватит рисоваться, – предостерегла Джамиля. – Они сейчас тебя отсюда не выпустят.

И правда, вокруг Рейхан и брахмана начала собираться толпа. Кое-кто уже навёл в их сторону прицел фотоаппарата. Подругам пришлось срочно выбираться из храма с напускным выражением безразличия на лицах, словно ничего особенного не произошло.

– Ну что, зарядила батарейку? – спросила Джамиля, когда они направлялись обратно в город.

– Да, хочется свернуть горы, но у меня нет гор. Приходи вечером, будем лепить гюрзу. Эллада тоже придёт.

Представив себе альтернативный вариант вечернего досуга (трое мелких пацанов будут верещать и бегать по потолку, а ей придётся выслушивать нотации матери), Джамиля согласилась.

На сегодня к Рейхан была записана ещё одна женщина, даже не рассказавшая в сообщении, что ей нужно, и объяснившая это тем, что её «могут читать». В своём планировщике, полном засушенных растений и заметок о специях-кристаллах-свечах, Рейхан отметила женщину как «15:30 – Преследуемая (?)». Ей как раз хватило времени, чтобы доехать до дома, слегка перекусить и выпить восстанавливающий силы травяной чай по её особому рецепту – чудодейственный массаж, который Рейхан делала Ясмин каждый день, а также еженощные эскапады в пространстве сновидений отбирали очень много энергии, поэтому Рейхан ела необычайно обильно, но оставалась стройной, на вкус некоторых – даже тощей.

Пока она отпирала дверь, на улицу вышла соседка с тазом, полным мокрого белья, и, увидев Рейхан, преувеличенно дружелюбно улыбнулась ей, а затем сообщила новость:

– Ты не слышала? Хумар-хала позавчера сменила мир.

– Да упокоит Аллах её душу, – механически ответила Рейхан, прикидывая, будет ли вежливо тотчас скрыться в доме или ей стоит остаться и послушать подробности.

– Говорят, её сын убил.

– О...

– Но на самом деле её виноградник задушил!

– *Чего?* – Такое известие определённо стоило внимания. Соседка затараторила, пересказав уже два дня как передаваемую из уст в уста легенду, и завершила свой репортаж словами:

– А ты что скажешь? Ты, наверное, в этом понимаешь.

Рейхан вдруг стало невыносимо стыдно оттого, что в криминальной психологии *растений* она совсем ничего не смыслила. Из растений-убийц ей были известны только росянка да венерина мухоловка. К тому же она не была склонна верить народной молве, которая когда-то утверждала, что Рейхан насылает на людей проклятья за деньги, пока первый из соседей, распустивший этот слух, не споткнулся (по чистой случайности!) на кривой земле (той, что Рейхан предлагала заасфальтировать) и не откусил себе добрую четверть языка.

– Не знаю, я её не видела. Нужно разбираться, – уклончиво ответила Рейхан и прошмыгнула во двор.

«Преследуемая» оказалась довольно молодой особой, явно не брезговавшей достижениями в областях пластической хирургии и косметологии. Её внешность Рейхан описала бы как балансирующую на границе между милой и устрашающей.

– Меня зовут Айка, – представилась она, переступая порог. – Какой у вас веночек на двери красивый. – Действительно, недавно Рейхан, отмечая день осеннего равноденствия, сплела веночек из колосков пшеницы и прочих даров природы. Айка с интересом оглядела и двор, наполовину скрытый в тени виноградника, цветущие розовые кусты и декоративные тыковки, увившие шпалеру.

– Какой красивый сад! – И она расплакалась.

«Беременная, – догадалась Рейхан, – вторая плачущая женщина за день, мне пора в отпуск».

– Проходите в дом или хотите во дворе останемся? Погода хорошая.

– Да, давайте во дворе. – Айка размазала косметику по лицу, утирая слёзы, и посмотрела на свою испачканную руку. – Э-э, как я теперь ходить буду?

Рейхан сбегала в дом, принесла ей зеркало, всё необходимое для снятия макияжа и стакан сока для успокоения.

Разобравшись с лицом, Айка рассказала банальную историю. Она связалась с женатым мужчиной; поначалу было весело, он дарил ей дорогие безделицы, водил по роскошным ресторанам, хотя им и приходилось сидеть по дальним тёмным углам, а потом ей захотелось большего, и обманным путём она забеременела.

– У них с женой нет детей? – спросила Рейхан.

– Есть. Два.

– Тогда почему вы решили, что он бросит двоих детей и жену ради вас с вашим ребёнком? Этот вопрос застал Айку врасплох. Об этом она явно никогда не задумывалась.

– Так... эти дети его... они взрослые уже. Живут и учатся за границей. А тут маленький бябляшка...

Последнее слово заставило Рейхан до боли сжать челюсти.

– И вот я ему сказала, думала, он обрадуется, а он говорит «иди делай аборт». Скотина такая. Тварь!

– Так, и чего вы теперь хотите?

– Как это – чего? Пусть бросает эту свою и женится на мне!

– Ясно... – тихо сказала Рейхан.

– Вам, наверное, их фотография нужна? Вот, я принесла! – Айка откопала в сумочке распечатанную на принтере фотографию и положила перед Рейхан. Не взглянув на бумажку, та спрятала её между страниц своего планировщика.

К ней и раньше приходили с такими просьбами, хотя не слишком часто – как правило, изменники сами благополучно справлялись с развалом собственной семьи. Рейхан скептически относилась к идее магического вмешательства в уже сложившиеся околоромантические отношения (помимо того, что убеждения не позволяли ей заниматься такими делами), но и упускать клиентку ей тоже не хотелось.

– Вы не знакомы с его женой?

– Нет, конечно! Я стала бы отбивать мужика у своей подруги?! У меня принципы есть! «По крайней мере, она надёжная подруга и заслуживает шанса», – подумала Рейхан.

– Скажите мне, а вы хотите этого ребёнка? Или вам нужен его отец?

– Мне тридцать пять лет! Я хочу ребёнка, конечно!

– Работаете?

– Да, у меня хорошая работа... Вы что, не хотите мне помогать?

– Нет, почему. Но его *жена*...

– Она его не любит! Он сам говорил мне! Сказал, она только собой занимается целый день, а на него ей плевать!

– А вы его любите? – Рейхан пристально всмотрелась в лицо Айки.

– Люблю! – Айка страстно взмахнула волосами. – Очень люблю! Пусть он даже всё потеряет, все свои деньги, я сама его буду содержать! Пусть только мой будет!

Она не лгала, Рейхан невозможно было обмануть, во всяком случае – не так, поэтому она обречённо потёрла лоб и сказала:

– Хорошо, я сделаю всё возможное.

Айка засияла, а Рейхан отвлеклась, размышляя, почему всех любовниц женатых мужчин, о которых ей доводилось слышать, звали «Айками», (Аян, Айсель, Айнур, Айгюн или Айтекин и тому подобные); более того, у каждого её знакомого мужчины непременно имелась бывшая по имени Айка. Странное наблюдение о жизни под номером N – в жизни каждого мужчины должна быть Айка.

Пока Рейхан думала о всяких глупостях, Айка положила на стол купюру в сто манатов и спросила, смущаясь:

– Вот, этого хватит для начала? Если нет, вы мне скажите, я просто не знаю, я никогда...

– Да, конечно, всё в порядке! – Купюра составила приятную компанию фотографии в ежедневнике.

– Ещё что-нибудь нужно вам? Кроме фотографии?

«Вот ещё, мне и фотография не нужна».

– Нет, этого хватит. А хотя... Пришлите мне ваше фото, недавнее и в полный рост, вы там должны быть одна, конечно же.

Айка пообещала прислать. Женщины распрощались, Айка почему-то опять выразила бурные восторги по поводу садовой мебели и цветов, и после её ухода Рейхан на всякий случай окурила сад гармалой, сглаз-то не шутка.

– Рейхан, *sənsən*⁵ или пожар у нас? – крикнули из ближайшего двора.

– Я, не бойтесь! – проорала в ответ Рейхан и пошла развезть пепел с обрыва.

В пять часов появились Джамия с Элладой, об их приближении Рейхан узнала ещё до того, как они успели постучать в дверь, и дело было вовсе не в её сверхъестественных способностях, а в том, что они очень громко и горячо спорили (если не сказать – ругались). Их междоусобица длилась уже больше двадцати лет, основывалась на глубоком различии во взглядах на жизнь и усугублялась большой взаимной любовью, побуждавшей каждую из подруг учить другую жизни в самых резких выражениях. Рейхан с её гибким умом играла роль миротворца.

– Привет, старая карга, – сказала Эллада и, отпихнув Рейхан с дороги, направилась в дом. – Где котик? Мне нужен котик для успокоения! Эта проститутка меня взбесила!

Следом грациозно вошла «эта проститутка» и жалобно попросила:

– Рейхан, скажи ей!

– Ничего я никому не скажу, – проворчала Рейхан. – Ты опять пытаешься доказать ей, что замужняя жизнь для дур, а она пытается заставить тебя выйти замуж! Вы мне надоели. Я несчастная одинокая женщина, я хочу есть гюрзу, оставьте меня в покое!

⁵ Это ты.

– Ой, несчастная она, скажите пожалуйста, – Эллада появилась в окне с котом в руках. – Ты сама как гюрза, змея которая. И одинокая ты потому, что мужиков жалеешь, от себя бережёшь. Помнишь, небось, что с Эмином стало!

Рейхан зловеще засмеялась. Единственный роман в её жизни, случившийся ещё во времена учёбы в институте, имел печальный финал: она поклялась никогда больше не вступать в отношения с заведомо не подходящими ей мужчинами, а её возлюбленный, получив отставку, бросил университет, уехал в Россию, крестился, приняв имя Вениамин, и, если верить фантастическим слухам, ушёл в монастырь где-то в глуши.

– Небось охотой на ведьм теперь занимается, – добавила Эллада и понюхала погрузневшего кота.

– Это не из-за меня. Ты что, не помнишь его мамочку? Сушная Баба-яга.

Они сняли со стола скатерть, обнажив столешницу, выглядевшую так, словно она пережила Великий потоп и Большой лондонский пожар. Рейхан быстро распределила обязанности: сама замешивала тесто, Эллада нарезала лук, Джамия готовила фарш из баранины и следила за бульоном.

– Я не понимаю, ты же всем при помощи колдовства жизнь устраиваешь, почему себе не можешь любовь найти? – сердилась Эллада.

– Потому что любовь – это не утка какая-нибудь, которую можно манком приманить, – терпеливо объяснила Рейхан. – Все, кому я действительно нужна, сами находят меня. И он найдёт.

– А тебе прямо никто и не нужен? – недоверчиво произнесла Эллада.

– У меня есть я, лучше уже всё равно никого не будет. И вообще, пока я замешиваю тесто, говорите о чём-нибудь приятном.

Кухню наполнял странный аптечный аромат шафрана, предзакатный час окрасил воздух золотистым цветом, и Рейхан охватила тоска по странствиям.

– У вас когда намечается следующая поездка? – Эллада и её муж занимались организацией автобусных туров по стране, и Рейхан никогда не упускала случая посетить с ними какой-нибудь лес в горах или древнюю деревушку.

– А вот как раз завтра на Бешбармаг едем. – И неслыханно неуверенным для неё голосом Эллада призналась: – Я думаю, может, у меня забеременеть получится.

Она постоянно спрашивала Рейхан дать ей какое-нибудь средство, которое разрешит её проблему, а Рейхан, каждый раз раскладывая колоду Таро или вытягивая из мешочка ореховые руны, повторяла подруге то, что говорили врачи: нет никакой проблемы, всё произойдёт в свой срок. Она и сейчас не преминула напомнить ей об этом.

– Да прошёл уже «свой срок»! – начала кипятиться Эллада. – И так у меня в карточке уже напишут «старородящая»!

– А что, так до сих пор пишут? – спросила Джамия, родившая первенца в восемнадцать лет. Они начали обсуждать осложнения беременностей, тернистые родовые пути и прочие злые измышления природы-матери, а Рейхан, которую эта тема вгоняла в уныние, занялась тестом.

Она любила ритуал замешивания теста, виделось ей что-то магическое в том, как из пары безрадостных и порознь не слишком съедобных продуктов получается нечто душистое, божественно вкусное – алхимия в действии. Именно поэтому она сама пекла хлеб; живая закваска обитала в холодильнике, и Рейхан раз в несколько дней подкармливала её порцией муки, а иногда и мёдом.

Не слушая болтовню подруг, но поминутно качая головой или говоря «угу», Рейхан сосредоточилась на стараниях внести в тесто для гюрзы очарование этого золотистого вечера, невообразимую широту мира, особенно остро ощущаемую в этот час, силы преобразования, скрывающиеся в медленно плывущих облаках и цветущих растениях. Когда они съедят его, вся эта красота и дух волшебных превращений станут частью их.

Раскатывающей отдохнувшее тесто Рейхан охло⁶ виделась ни много ни мало магическим железом, придающим куску бесформенной материи вид лепёшки, из которой женщины стаканами вырезали много кружочков.

– Хорошо вот так иногда собираться и заниматься вместе хозяйственными делами, – сказала Джамия, накладывая жареный фарш в кусочек теста.

– Ага, – согласилась Эллада, загибая края своего кусочка внахлест, чтобы получилась змейка. – Когда мы в последний раз вот так сидели втроём?

– В августе, когда варили дошаб, – немедленно отозвалась Рейхан. – С тех пор я одна мучаюсь.

– А зачем ты себя так любишь, что всё время всякие извращения готовишь? – хмыкнула Эллада. – Вот я: пока замуж не вышла, к плите близко не подходила.

– Тот дошаб моего Омарчика от кашля вылечил, – вспомнила Джамия, и её хорошенькое лицо засияло нежностью, как всегда, когда она говорила о своём младшем, чьего отца особенно сильно любила.

Подруги быстро налепили гюрзы на несколько дней, отправили три порции вариться в бульон из баранины и шафрана, а остальные сложили на хранение в морозилку.

– Что-то ты сегодня притихшая какая-то, – заметила Эллада, подозрительно глядя на Рейхан, которая с задумчивым выражением лица мелко нарезала кинзу и мяту. – Случилось чего?

– Мята для процветания и защиты, – нараспев произнесла Рейхан. – Шафран для восстановления сил и очищения.

– А про кинзу у тебя что есть? – поинтересовалась Джамия.

– Ничего, она просто вкусная.

– Отвечай, что с тобой такое, – не унималась Эллада. – Тебя как будто беспокоит что-то.

– А может быть, я влюбилась и не знаю, в кого?

– Влюбилась? Ты? Да ещё и чего-то не знаешь? Ну, это уж вряд ли.

– Ты придержи для меня на завтра одно место в автобусе, ладно?

– Конечно, придержу!

– Только сегодня же в Атешгях ездили, – удивилась Джамия. – Ты что на месте сидеть не можешь?

Рейхан разложила готовую гюрзу по тарелкам, посыпала корицей и зеленью и расставила перед подругами.

– У меня были две клиентки с банальными личными проблемами, да ещё и Ясмин моя теперь вообразила, что ей муж изменяет. На что я трачу свои способности?!

– Все люди одинаковые, и траблы у них одинаковые. Даже если бы ты пошла работать в этот...

– Пфайзер.

– Пфайзер, да, если бы ты даже работала на них, ты всё равно по сути разгребала бы чьи-то идиотские интимные заморочки. Готовила бы виагру, например. Так у тебя хотя бы график свободный. Гюрза охренительная, кстати.

– А что за банальные личные проблемы? – оживилась Джамия (её всегда очень занимала чужая личная жизнь). – Опять кто-то просит всякие гадости сделать?

– Да вот, одна тут сунула мне фотку своего любовника с женой.

Эллада громко присвистнула, а Рейхан взяла свой планировщик и, держа в правой руке ложку с гюрзой, левой перелистнула страницы, вытасила фотографию и взглянула на неё.

– Ой! – только и сказала она, уронив гюрзу в тарелку с бульоном и забрызгав весь стол и себя. С фотографии ей довольно улыбалась молодым лицом Ясмин.

⁶ Тонкая длинная скалка.

Глава 4

Алтай

17 октября

Проснувшись, но ещё не окончательно разобравшись, где сны, а где явь, Алтай первым делом подумал: «Пожалуйста, пусть вчерашнее письмо мне привиделось!» Эта мысль пробудила его окончательно, и стало ясно, что всё очень плохо. К счастью для себя, Алтай обладал редким качеством: в критических ситуациях он не приходил в замешательство, а, наоборот, собирался и становился необычайно энергичным и твёрдым.

Поэтому ровно в девять утра он уже стоял перед дверью в приёмную, где могли решиться его затруднения, и, потрясая контрактом, ругался с секретарём и охраной.

– Я всё понимаю, – трусливо съёжившись перед высоким Алтаем, лепетал секретарь. – Но у меня разрешения не было вас пускать.

Охранник, которому не дали никаких точных инструкций относительно того, как следовало обойтись с Алтаем в случае его появления, поводил пузом, непрерывно раскрывая и закрывая рот, похожий на крупную рыбу в тесном аквариуме. Алтай ещё час пытался прорваться в приёмную, но больше времени у него не было, кроме того, он посадил себе голос. Ругаясь от беспомощности, Алтай поехал на съёмки, но он намеревался вернуться на следующее утро и добиться своего. О том, что произойдёт, если не добьётся, думать не хотелось.

Закреть для съёмок объект, подобный Бешбармаг, так же, как они закрыли храм огня, было, конечно же, невозможно. Поэтому Алтай, посоветовавшись с Меджидом и редакторами, решил, что будет даже интереснее, если игрокам придётся пробиваться на вершину с боем, сражаясь с толпами паломников. От трассы до скалы им предстояло добираться верхом на лошадях.

– Это что ещё такое?! – звенящим голосом спросила Зара, указав на довольно-таки измождённое животное, понуро жевавшее траву. Ещё тринадцать лошадок ожидали своих всадников неподалёку. Несколько чернявых мальчишек держали их под уздцы, периодически дёргая с тупым раздражением и лягая ногами по тощим бокам.

– Я на это не залезу! – по тону Зары было ясно, что она настроена «бороться за свои права», как это теперь называется (то есть попросту скандалить и создавать людям неудобства, мотивируя собственную невнимательность тем, что «меня о таком не предупреждали»). – Меня о таком не предупреждали!!!

Фархад, ухватившись за возможность поскандалить, распахнул свой огромный рот и принялся вопить:

– Я упаду и умру! Клянусь Аллахом, упаду и умру! На тупое животное залезать разве можно?

– Ну, кто здесь тупое животное – это ещё вопрос, – тонко усмехаясь, заметил Шаин, который, в сущности, и на передачу-то пришёл только затем, чтобы доказать всем остальным, какие они тупые животные. Фархад как-то по-птичьи вскрикнул и бросился на Шаина – не столько потому, что действительно был задет его замечанием, сколько потому, что на них смотрела Мари и ещё несколько сотен тысяч телезрителей. Драка развивалась по тому же сценарию, по какому развивается большинство местных драк: агрессор был моментально схвачен миротворцами и продолжал осыпать оскорблениями своего супостата, пользуясь тем, что и того крепко держат за локти и живот, и оба старательно делали вид, будто изо всех сил вырываются из рук, удерживающих их, и стоит им только освободиться, как они уж непременно покажут

окружающим, что такое настоящее мочилово. Они бы ещё долго так петушились, если бы их не отвлекло появление Дениса и его команды. С воинственными визгами «Апшеронские Тигры» взобрались на лошадей, помогая друг другу, и быстро, хотя и неуклюже, двинулись вверх по дороге; кто похрабрее – галопом, кто – рысцой, а Егяна и Башир вдвоём на одной лошади – осторожным шагом, да и то они мало что решали, положившись исключительно на добрую волю животного.

– Уходят! Уходят! – поделившись со своими этим очевидным наблюдением, Чингиз взгромоздился на лошадь животом, словно влезая на любимую женщину, и, несмотря на предупредительные крики смуглых мальчишек, попытался в таком положении отправиться в путь. Путь он проделал недолгий – от лошадиной спины до земли – но очень захватывающий. Это происшествие словно привело всю команду в чувство, и они нехотя принялись осваивать предложенный им транспорт.

Пока внизу происходило то, что происходило, Алтай осматривал место главной съёмки – зная отношение своих соотечественников к любой задаче, он был вынужден перепроверять всё лично. Теперь выяснилось, что горе-работники забыли о главном: они не разместили подсказки в одном из условленных мест. Алтай поднял крик, но суетящиеся вокруг люди не смогли толком объяснить, у кого и где хранятся подсказки. В конце концов, он сам нашёл их среди сваленных в кучу вещей. Второго подъёма в гору за полчаса Алтай бы не пережил, но он не смог дозваться никого из ассистентов, поэтому рискнул поручить дело Нюсики.

– Внимательно слушай. Как поднимешься почти до самого верха, увидишь там дерево, на нём тряпки всякие завязаны. Тебе надо будет вот эти подсказки там прицепить на ветки, среди этих тряпок. Справишься?

Нюсики мрачно посмотрела на гору, которая показалась ей высотой до небес. В планы входила приятная романтическая поездка с «мужчиной её жизни», а вместо этого она получила двадцать минут жёсткой тряски по унылой грунтовой дороге, стукнулась макушкой о крышу машины, а теперь ей ещё светила зарядка, к которой тело Нюсики приспособлено не было. «А что, тебе самому гордость не позволяет это сделать?» – хотела сказать она, но вспомнила о своём обещании работать над отношениями и резко ответила:

– Справлюсь, не тупая же. Нюсики хорошая, Нюсики всё для тебя сделает.

– Рад это слышать, – ответил Алтай, сунул ей в руки пакет с подсказками, закурил сигарету и убежал что-то обсудить с Меджидом. Матерясь про себя, Нюсики запихала пакет в сумку и поплелась к каменной лестнице. У первой же ступени она совершенно неожиданно споткнулась, упала и расшибла колено о камень, да так сильно, что даже джинсы порвались.

– Ах ты ж ё...й ты на...й! – выкрикнула она, схватившись за ногу. Поглядела с надеждой на Алтая, который стоял вдалеке и как ни в чём не бывало трепался со своим другом-режиссёром, весь окутанный дымом, словно горная вершина в облаках. К огорчению Нюсики, он не услышал её возгласа, не заметил её падения, хотя, может быть, это и к лучшему, не следовало бы подпитывать его убеждение в том, что она – неповоротливая кулёма. Кое-как залепив рану пластырем, Нюсики взялась за металлический поручень и двинулась вверх.

Она не осилила и половины пути, когда на относительно ровном месте её нога подвернулась, рука соскочила с перил, и Нюсики повалилась на бок, теперь сильно ударившись бедром. Слезы злости и боли брызнули у неё из глаз, сквозь их пелену Нюсики видела, что люди вокруг наблюдают за ней с кровожадным интересом. От души пожелав им ослепнуть, она поднялась и, хромя, продолжила свой крестный путь, только вместо креста её гнула к земле тяжесть ответственного поручения. Дойдя до середины и обернувшись, Нюсики увидела, как Алтай смотрит на неё, и это на время придало ей бодрости. Она решила сделать селфи на фоне приближившейся горы, чтобы позже написать в Instagram об интересной командировке и о том, как легко было взбираться на Бешбармаг. Мечты о сотнях лайков убаюкали её и даже немного успокоили боль от падений. Достав из кармана телефон, она включила переднюю камеру и приняла

привычную, отработанную тысячами селфи позу – рука несколько выше головы, взгляд коварной соблазнительницы снизу вверх, брови подняты, щёки втянуты и зажаты изнутри зубами для образования утончённых впадин. В таком ракурсе Бешбармаг совсем не попадала в кадр, но какая разница, рассудила Нюсики, главное – отметить и в очередной раз явить миру свою экзотическую сероглазую красоту, а кому интересно на гору пялиться, пускай поедет да и пялится, сколько влезет. Напрочь забыв о срочном деле, порученном Алтаем, Нюсики фотографировала себя, слегка меняя позы – прикладывая руку к подбородку, чтобы был виден маникюр с красивым узором, который она рисовала несколько часов, сидя перед телевизором, улыбалась таинственной и чарующей улыбкой, склоняла голову так и эдак, чтобы впоследствии выбрать самый удачный снимок. Момент, когда она закинула голову совсем высоко, увидев над собой тяжёлые, близкие тучи, вдруг замер, растянулся до бесконечности, горизонт съехал набок, а покрытая маленькими хищными растениями земля замахнулась для удара, и Нюсики почувствовала, как злая сила подхватила её, словно она была не тяжелее воздушного шара, и швырнула навстречу земле, а небо навалилось сверху, и все вместе они образовали чудовищный сэндвич с бедной Нюсики посередине в качестве символической индейки или куска ветчины.

Придя в себя спустя вечность, Нюсики поняла, что у неё просто закружилась голова и она упала на траву, а сэндвич с ветчиной и индейкой пригрезился ей потому, что она, вероятно, проголодалась. Характерного посасывания в желудке она не чувствовала, но это ничего не значило, нельзя доверять глупому организму. Какие-то люди копошились вокруг неё, беззубые грязные хрычовки и просители милостей горы хватали её тело руками, пытались придать ему вертикальное положение. Нюсики позволила им поднять себя. Одна из старух быстро и обеспокоенно заговорила с ней по-азербайджански, но Нюсики разобрала лишь пару отдельных слов, которые ни о чём ей не поведали, поэтому вместо ответа только нетерпеливо дёрнула головой и вернулась на каменную лестницу, поклявшись себе любой ценой выполнить возложенную на неё миссию. Она злилась на всех за свои падения, во всём этом чудился какой-то гнусный заговор против их с Алтаем любви, но, немного придя в норму, она объяснила первый случай спешкой, второй – кривой лестницей (чтобы руки отсохли от жопы того, кто её построил!), а третий – кислородным голоданием (она помнила о существовании такого понятия, и оно точно было связано с горами, но чего Нюсики не знала, так это того, что высотная гипоксия начинается с двух тысяч метров над уровнем моря, а высота Бешбармаг всего триста семьдесят два метра). «Надо глубоко дышать и медленней идти», – сказала она себе.

Гора вблизи показалась ей неприятной. Тысячи маленьких круглых отверстий в камне как будто скрывали в себе червей или насекомых с огромными жвалами, лишайники походили на ржавчину, а чёрный мох – на плесень. Ко всем телесным страданиям, испытываемым Нюсики, добавился ещё и непонятный звон в ушах, нараставший по мере её приближения к металлической лестнице. Она увидела съёмочную команду: операторы расставляли камеры, некоторые тащили громоздкую аппаратуру вверх, и никто не казался уставшим или напуганным. «Если эти бараноглазые могут, – со злостью подумала Нюсики, – то я точно смогу». И она ринулась вверх, громко топая и задыхаясь. В глазах у неё стало темно, и в этой темноте она различала страшные лица, похожие на голые черепа, скалящиеся с каждого камня, мох отрастил длинные щупальца, и они тянулись к горлу Нюсики, извиваясь, от звона в ушах, казалось, вот-вот взорвётся мозг, но она, повторяя мантру «Я добьюсь Алтая! Я заставлю его любить себя! Я всё для него сделаю!», продиралась сквозь сдавившую её скалу, пока на одной из площадок для отдыха у неё из носа не хлынула кровь, и она не потеряла сознание.

Очнувшись Нюсики внизу, под крышей беседки. Какая-то тварь положила ей на лоб мерзкую мокрую тряпку. Брезгливо отбросив тряпку в сторону, Нюсики привстала, оглядела свою залитую кровью одежду и выругалась. Проверила сумку – ленточки с подсказками, как и следовало ожидать, оттуда забрали. Одна из ассистенток, бесившая Нюсики до дрожи вертлявая

девчонка с дурацкой тощей шеей и унылыми коричневыми волосами, которые ей, очевидно, было лень красить, рассказала, что Алтай сам развесил подсказки на дереве и что съёмка уже началась.

– Принести тебе что-нибудь? – спросила ассистентка с искренним участием. – Мы так за тебя испугались! Принесли тебя всю в крови, такой ужас был, у меня чуть сердце не разорвалось! У меня есть в термосе сладкий чай, давай налью тебе.

Нюсики ослабилась окровавленным ртом, став похожей на только что полакомившуюся трупом гиену.

– Да, солнце, спасибо, – ласково сказала она. Ассистентка протянула ей влажную салфетку, а затем налила чай в пластиковый стаканчик. Заедая чай солёными крекерами с ароматом копчёной свинины, которые она всегда таскала с собой в сумке на всякий случай, Нюсики с ненавистью смотрела на непокорённую вершину, представляя, как распутные участницы игры соблазняют её Алтая прямо во время съёмки, чтоб им всем с горы попадать. Особенно её бесила эта Самира, сущая шлюха, весь Instagram в фотографиях голой задницы и букетов роз, таких здоровенных, что одним можно сшибить с ног крупного мужчину, если замахнуться посильнее. У Самир было аж сто шестьдесят тысяч подписчиков, каковое достижение особенно не давало Нюсики покоя, так что на днях она даже купила себе пару тысяч подписчиков-ботов. Но почему-то на Алтая столь резко возросшая популярность его подруги не произвела должного впечатления. Иногда у неё возникало паршивенькое подозрение, что он вообще не смотрит её Instagram. Наверное, ей тоже стоит выложить несколько провокационных снимков в нижнем белье или можно даже частично без белья, пусть понервничает и поревнует... А потом Нюсики, насладившись его страхом потерять её, в очередной раз докажет, что она – самая верная женщина на свете, и, несмотря на несметные толпы поклонников, ей нужен один лишь Алтай.

Зашвырнув пластиковый стаканчик куда-то за пределы беседки – ничего, пусть старухи-попрошайки убирают, вон сколько сдирают с людей каждый день, за такие деньги и погорбатиться можно – Нюсики принялась высматривать Алтая. Наконец он появился – вертикальная складка между густых бровей говорила о том, что он был либо зол, либо чем-то озабочен – и сел рядом с ней.

– Ну как ты? – спросил он сочувственно, что, по его мнению, было естественным по отношению к любому живому существу, попавшему в положение Анастасии. Она же вся затрепетала от радости: как он о ней заботится!

– Нюсики больно, Нюсики плохо, – заныла она, чтобы усилить его тревогу. – Нюсики себе ножку разбила! – в доказательство она сунула окровавленное колено ему под нос.

– Фу, убери, – сморщился Алтай, вспомнив, что ему ни в коем случае нельзя снова попадаться в ловушку жалости.

– Не говори «фу» на Нюсики! Я тебе помочь хотела и пострадала из-за этого!

– Может быть, перестанешь уже мне помогать, если мы оба от твоей помощи так называемой только страдаем? Найди себе другую работу!

Пару секунд Нюсики расчётливо смотрела на него, выбирая между привычной и действенной истерикой со слезами в четыре ручья и успокаивающими словами. Плакала она сегодня уже достаточно, поэтому решила прибегнуть к магии слов:

– Нюсики понимает, что ты так говоришь только из-за того, что с тобой случилось. Это ужасно. Ты на взводе. Но Нюсики рядом. Вместе мы всё преодолеем. – Она твёрдо верила, что если женщина будет регулярно повторять эту фразу про совместное преодоление своему мужчине, то любые преграды, которые только может возвести жизнь на пути настоящего завоевателя, будут рассыпаться в прах. Алтай ошалело посмотрел на неё. В такие моменты ему казалось, что Анастасия – не живой человек, а какой-то робот, интегральной микросхеме которого скормили кучу информации о том, как должна себя вести Идеальная Женщина, и он при-

лежно всё запомнил, но понятия не имеет, что это вообще такое и для чего оно на самом деле нужно. Уж лучше бы Анастасия матом ругалась, это хоть звучало естественно. Алтай вскочил с покрытой занозами скамьи.

– Куда ты? Посиди с Нюсики!

– Я работаю!

Кто-то из координаторов замахал руками, призывая Алтая. На горе произошла свалка – как и предполагалось, паломники сцепились с игроками, и никто не собирался уступать дорогу к счастью.

Врагом оказался ветвистый клан во главе с матерью, чьим усам позавидовал бы любой генерал. Клан отчаянно нуждался в отдельной квартире и джипе для младшего сына, дочь засиделась в девицах, усатый матриарх собиралась заказать новый мебельный гарнитур (такой же точно, как у соседки с верхнего этажа, только обитый не серой рогожкой, а малиновым бархатом), да и остальным членам семейства было о чём попросить – высшим силам предстояла тяжёлая работа, за которую клан платил заранее, совершая всё более крупные взносы по мере своего вознесения к вершине. Но тут им помешали. Четырнадцать молодых нахалов ломанулись по горе, и лестница под ними сотрясалась и издавала звуки, похожие на удары гонга. Это было как сход лавины, только в обратную сторону. Сыновья семейства вцепились в перила, а прекрасная половина приготовилась удержать позицию любой ценой, ибо женщину, желающую утереть соседке нос, ни одна сила в мире не остановит.

Сражение произошло в закрытой со всех сторон и даже сверху расщелине, сквозь которую можно было пройти только по одному и только держась руками за холодные каменные стены. Денис, Эльнур и Самира из «Апшеронских Тигров» бежали в авангарде, как наиболее спортивные, ещё не зная, что в прохладной глубине скал таится чудище с голодным выводком. Один за другим искатели сокровищ юркнули в щель – сзади напирали конкуренты – и вдруг обнаружили, что проход закупорен чьим-то обширным задом. Противоположная сторона зада отдувалась и поносила узость лазейки и крутизну ступенек. Вокруг этого неожиданного препятствия толпились люди в количестве не менее восьми, и все они дружно вздыхали, причитали и призывали Аллаха, чтобы помог им в этом нелёгком пути.

– Какого хрена стоим?! – гаркнул прямо в ухо Самире Фархад – «Непобедимые» нагнали их и теперь рвались вперёд. Подпрыгнув на месте от неожиданности, Самира обернулась и ответила:

– Всяких джындыров⁷ забыли спросить, что нам делать!

Уязвлённый этим остроумным ответом, Фархад изрыгнул месиво ругательств на двух языках, но никто больше не отвечал ему, потому что Денис совершил роковую ошибку: он вежливо попросил ворочавшуюся перед ними женщину посторониться и уступить дорогу. Услышав такую просьбу от молодого бородатого человека с оскорбительно длинными светлыми волосами, собранными в хвост, женщина продемонстрировала столь бурную реакцию, что можно было предположить, будто он, по меньшей мере, возложил руки на самую крупногабаритную часть её тела. Под выкрики «наглый», «нет совести», «совсем стыд потеряли», а также некоторые слова, непригодные для печати, обе команды и один несчастный оператор заполнили тесное пространство, пытаясь разобраться, что там впереди происходит и в чём суть конфликта. Оператору в суматохе заехали по морде – не то участники передачи, не то кто-то из паломников. К счастью, удалось уберечь камеру. Чингиза из «Непобедимых» пропихнули вперёд, где он (видимо, сегодня был не его день) каким-то непонятным образом очутился лицом к лицу с противником.

– Ты кто такой, куда лезешь?! – завизжала мать семьи, хватая Чингиза за тощую руку и впиваясь в неё острыми когтями, переливчато-зелёными, точно майские жуки. От боли и

⁷ Джындыр – нищий, бродяга, оборванец. В более широком смысле – мелочный, низкий человек, достойный презрения.

неожиданности несчастный рванулся в сторону, но в стороне, к сожалению, находилась твёрдая скала, и она никак ему не помогла, а женщина продолжала стискивать его руку, призывая на помощь мужа и детей.

Через несколько секунд, после особо сильной ругани и давки, лучевая кость Чингиза не выдержала и сломалась. Чингиз испустил вопль, который мог бы испустить Грендель, когда Беовульф вырвал тому руку из плеча, и этот вопль привёл в чувство мать клана, и этот вопль напугал очередных паломников, только приблизившихся к подножию горы, и этот вопль достиг ушей Алтая, уже бежавшего к месту схватки, хотя он и не понимал, как может там пригодиться. Орущего без остановки Чингиза оттеснили назад, Шаин, Фархад, Денис и Лейла – квинтэссенция маскулинности обеих команд – выступили единым строем против богомольцев, протолкнув наконец мамашу и затоптав остальных. Другие игроки, кроме пострадавшего (он принял красивую позу перед камерой, разлётись на камне, и не очень красиво кричал), тоже бросились сквозь освобождённый проход, окончательно сметя злополучный клан, отдельные члены которого изрядно ободрались о скалу. За всё время своего существования Бешбармаг не видел такого побоища. В истории религий было множество войн, но едва ли когда-нибудь человеческая кровь проливалась за оролаторию. Впрочем, члены семьи, приехавшей просить у горы разных благ, никогда бы не стали анализировать произошедшее. Они просто решили, что на них напала толпа на редкость бесстыжих студентов. Зализав раны, они не спеша двинулись дальше, потому что уже раздали немало милостыни по пути, не пропадать же деньгам.

Чингиза подобрали санитары из кареты «Скорой помощи», сопровождавшей игроков в их путешествии.

– Этот выпуск всех порвёт, – удовлетворённо заметил Меджид.

– Не люди, а хрен знает что, – Алтай был настроен не так оптимистично; он не хотел проблем вдобавок к той, что уже имелась. В голову ему вдруг просочилась, словно извне, мысль: «После этой передачи я умру». Такое с ним было впервые, поэтому он испугался, заодно и вспомнив о своей неутешительной наследственности. Как-то раз одна увлечённая хиромантией знакомая сказала ему, что у него длинная линия жизни и нечего бояться, но Алтай больше верил в генетику, чем в хиромантию.

Дальше съёмки прошли без происшествий: «Непобедимым» не досталось нужного количества подсказок, и им пришлось принести жертву. Ею весьма предсказуемо стал Чингиз, чья сломанная рука всё равно не позволила бы ему продолжить игру. О том, сбылись ли желания клана, с которым у игроков произошла стычка, история умалчивает.

Назад в город Алтай возвращался под не умолкающее тарактение Нюсики, с силой отбойного молотка пытавшейся внушить ему, что всё наладится, что «никто не посмеет так поступить с таким мужчиной, как ты», и что они могли бы посидеть где-нибудь вдвоём, расслабиться и выпить виски в память об их первой встрече. Алтай ответил, что должен ещё раз зайти к спонсору, а насчёт вечера он не уверен.

– Скорее всего, буду занят, – солгал он.

– Ты всегда занят для своей Нюсики!

«Пора бы уже сделать из этого какие-то выводы», – подумал Алтай и крепче сжал руль обеими руками – дорогу на север словно метеоритами побило. Он умирал от голода, но надеялся успеть ещё раз зайти в офис NerGAL и выяснить, куда девались обещанные деньги.

Успеть-то он успел, но его опять не пропустили, выдумав предлог настолько абсурдный, что под бурными волнами ужаса и негодования Алтай ощутил течение завистливого восторга – он бы не смог так топорно и нагло послать к чёртовой матери того, кому дал обещание и с кем подписал контракт. Для подобного надо быть поистине серьёзной и крупной организацией.

Направляясь домой, он почти не видел дороги – мир вокруг стал плоским и чёрным. Сознание Алтая словно расслоилось на две фракции: одна непрерывно кричала, как обычно кричат люди, понёсшие потерю, с которой они не могут смириться и силой крика пытающиеся

отменить случившееся, вторая же спокойно, расчётливо перебирала в уме последовательность действий, призванных уберечь Алтая от полного краха. «Продать машину». «Взять кредит в банке». «Уволить некоторых ненужных работников». «Взять займы у всех, перед кем не так стыдно». Машина грустно пыхтела при торможении, словно предчувствуя разлуку. Она была уже немолода.

Зная, что одиночества ему сейчас не выдержать, Алтай собрал друзей в чайхане и рассказал им о катастрофе, разразившейся в его и без того не слишком радостной жизни. Друзья начали предлагать свою помощь; кто-то мог одолжить денег, кто-то имел связи в банке, кто-то знал, как выйти на другого спонсора, далеко не такого богатого, но это лучше, чем ничего. Они говорили всё громче, Алтай же думал о легендарном золоте своей семьи. По рассказам дядюшки, прабабка Алтая спрятала свои немалые сбережения (в те времена, когда все их прятали) в тайник где-то на Кубинке (тогда семье Алтая принадлежал не один дом, а весь квартал), но почему-то забыла указать потомкам, где тайник искать. Алтай легко поверил в этот рассказ, тем более что один случай обнаружения клада на Кубинке был известен ему лично и произошёл на соседней улице. Много лет назад это было, Алтай ещё ходил в школу – старый деревянный столб линии электропередачи наконец-то соизволили заменить на новый и в процессе замены нашли в земле казан, полный золотых николаевских рублей, закопанных, вероятно, каким-нибудь гочу.

На что только не понадеешься в моменты отчаяния – Алтай начал всерьёз задумываться: а не поискать ли ему пресловутое золото? Что, если оно спрятано не в доме, а где-нибудь в соседском дворе?

Ворочаясь в постели перед сном (Нюсики донимала его сообщениями с упрёками, так что пришлось отключить интернет и остаться без любимых снотворных роликов на Youtube), Алтай пытался вспомнить, не упоминал ли кто из старших родственников подсказок, опознавательных знаков. Мысленно он обошёл весь дом и заметил два места, где могло быть что-то сокрыто. Старая печь утермарковка – застрявший в перегородке между комнатами высокий цилиндр – давно не использовалась, при Алтае её уже покрыли толстым слоем краски, замуравов топочную дверцу, хотя, насколько он знал, печь была в рабочем состоянии. Дом отапливался масляными обогревателями. «Кто и зачем замуравовал действующую печь?» – впервые задался вопросом Алтай, перекатываясь с боку на бок с возрастающей скоростью, и, в конце концов, так себя накрутил, что выпрыгнул из кровати, включил свет и, вооружившись инструментами, начал освобождать железный кожух печи от грязной белой краски. Он подозревал, что пожалеет об этом, когда ему придётся подметать пол, но надежда отыскать фамильные сокровища была слишком сильна. Чуть не надорвавшись, он открыл дверцу, запертую полвека назад, если не раньше, и посветил в топку фонариком.

В топке лежала мертвая полуистлевшая ворона. Алтай поёжился, глубоко вдохнул и внимательно осмотрел печь изнутри, но ничего похожего на клад не нашёл. Тогда он осмотрел железный кожух, но на нём не было видно следов повреждения, и вряд ли кто-то стал бы создавать тайник таким трудоёмким способом.

Вторым местом, вызывавшим подозрения, была ниша в стене маленькой комнатки, которую никогда почти не использовали, и оттого она всё больше захламлялась. Ниша стала нишей после того, как семье Алтая пришлось распродать весь квартал, а до того на месте неё находилась дверь в соседнюю комнату. Дверь превратили в стеной шкаф, пол в проёме заложили одним рядом камня, выше навесили деревянные полки, но между камнями и нижней полкой осталось пространство, вроде второго дна у шкапулки, назначение этого лишнего пространства всегда оставалось для Алтая загадкой, а при простукивании доски, прикрывавшей спереди промежуток между полкой и камнем, она издавала звонкий звук, сообщая, что внутри – пустота. Или *не* пустота. Алтай набросился на эту доску с топором, напугав, должно быть, соседей по ту сторону ниши грохотом ударов. Краска и щепки разлетались по комнате, Алтай

совсем выбился из сил, но наконец ему удалось выдрать доску из ниши. Кровь ощутимо толкалась под кожей, пытаясь прорвать вены, словно он следил за шариком крутящейся рулетки, поставив все свои сбережения на чёрное. Он был почти уверен, что найдёт если не клад, то хотя бы что-то важное. Иначе зачем же делать этот тайник под полкой?

Внутри было пусто. Алтай выругался, поняв, что его предки не отличались логическим складом ума; как многие и многие люди, они покорно следовали по течению внешних обстоятельств и сиюминутных порывов, даже не задумываясь: «А зачем я это делаю? Может, существует другой вариант, и он лучше?» Они замуровали работающую печь просто потому что замуровали... так же как оставили пустоту между полкой и камнем просто потому, что какого-то дьявола начали навешивать полки сверху и неправильно рассчитали расстояние между ними.

Разочарованный, но несломленный, Алтай снова лёг спать, стараясь не думать о дохлой птице в двух шагах от кровати. Потолок утешающе вращался над ним – сказывалась усталость, – напоминая о детстве и катаниях на карусели. Ребёнком Алтай любил запрокидывать голову и смотреть, как кружатся облака, пока остальные дети, наворачивая круги, выискивали в толпе возле карусели оживлённо машущих им родителей.

Он уже почти заснул, когда вдруг прямо в его ухе прозвучал голос матери:

– Не там ищешь. Золото под старым тутовником.

Алтай вскочил, моментально покрывшись холодным потом. Волоски на его руках встали дыбом. В комнате никого не было. Тишину нарушали лишь топот кошачьих лапок по крыше да звук начинающегося дождя. Трясаясь от холода и пережитого стресса, Алтай вышел во двор покурить – как был в трусах и майке, он курил, смотрел на тутовое дерево, и только после того, как замёрз окончательно, вернулся в кровать и заснул, крепко, словно умер.

«Непобедимые», потерявшие члена команды – далеко не ценного, но факт поражения бил по гордости – расселись вокруг импровизированного костра (огонь отражался в нацеленных на группку людей объективах камер, и Шаин подумал, что они как будто окружены в глуши стаей голодных зверей, пламя пляшет в их хищных круглых зрачках, но он сомневался, что кто-то ещё разделял его фантазию), жарили сосиски и совещались. Насколько они поняли, «Апшеронские Тигры» (что за тупое название, думал Шаин каждый раз, как при нём упоминали другую команду – когда это на Апшероне водились тигры? Львы ещё куда ни шло, но тигры!) тоже не торопились к следующей локации, оставив все свои силы на Бешбармаг.

– Нам необходима стратегия, – сказал Шаин, выделив последнее слово устрашающим выражением лица, расширившиеся круглые глаза сделали его ещё больше похожим на сову.

– Всем необходима стратегия, – многозначительно произнесла Мари, глядя на костёр из-под полуприкрытых век. Шаин озадаченно покосился на неё, но продолжения не последовало, и он, нахмурившись ещё больше, чем обычно, продолжил:

– Нас меньше на одного неуклюжего придурка – это плюс.

– И у них баба жирная в команде – это тоже плюс, – встрял Фархад. После их с Шаином «драки» он решил вести себя подчёркнуто доброжелательно – до поры до времени.

– Ты на себя посмотри! – Зара кинулась на защиту Егяны, хотя и сама мысленно ухмыльнулась, впервые увидев её. Но мужчина, по её мнению, не имел права считать кого-то «жирной», тем более такой мужчина, как Фархад.

– Что мне на себя смотреть? Я стройный, красивый.

– Стройный и красивый, как главные действующие лица фестиваля Манене, – снова напомнила о себе Мари и тотчас ушла обратно в свой мир.

– Да! – не разобравшись, воскликнул Фархад. Шаин довольно зауהל, восхищённо глядя на Мари, остальные вообще ничего не поняли.

– Что за фестиваль? – встрепелась Валида. Она обожала всяческие фестивали, устраиваемые представителями контркультур, и мечтала побывать хотя бы на одном. С её куртки скалил белоснежные зубы Боб Марли.

– Давайте к делу, – быстро сказал Шаин, не желая слушать очередные вопли Фархада. – Я придумал, как этих перехитрить.

Координаторы команды наострили уши. Всё, что не было запрещено уголовным кодексом, было разрешено правилами игры (кроме использования денег и мобильной связи, конечно). Негласно командам не возбранялось подставлять, обманывать и всячески задерживать друг друга. Просто никто не сказал им об этом. Алтаю было интересно, додумаются ли сами участники до бесчестных приёмов борьбы. Если бы не додумались, пришлось бы прибегнуть к старому доброму трюку с анонимными записками, которые координаторы подкладывали игрокам, чтобы затронуть самые уязвимые струны их душ. Получивший такую записку становился подозрительным, озлоблялся и начинал пакостить – не зная врага в лицо, на всякий случай – всем.

– Я тут по карте подсчитал, – сказал Шаин, энергичными движениями пронзая небо сосиской на шампуре, словно римским штандартом, – что от Бешбармаг до Хызы около пятидесяти километров. Это если по дороге. А ещё можно пойти напрямик.

– Через горы типа? – спросила Валида.

– Пятьдесят километров пешком гулять? – возмутился Фархад. – Они там совсем ох... ели, что ли?

– Марафонцы пробегают почти такое же расстояние, – увещательно ответил Шаин.

– За два часа, – добавила Мари, снова вынырнув из дремоты, в которую её ввело созерцание потрескивающего хвороста.

– Если идти скорым шагом, доберёмся до гор за пять часов, может, даже меньше.

– Идти пешком пять часов?! – заорал Фархад.

– Ты же не во «Что? Где? Когда?» пришёл сюда играть, – презрительно бросил Шаин.

– Когда я была во Франции, я ходила пешком без остановки по семь часов, – похвасталась Зара.

– Ради справедливости надо заметить, что французские города и трасса Баку – Губа – это немножко разные вещи, – пробормотал Шаин и тут же сам себе заткнул рот сосиской.

– Что ты хочешь с этим говорить? – спросил Гасан. Он стеснялся подавать голос, но очень надеялся выиграть.

– Я хотеть с этим говорить, – ответил Шаин с издёвкой, – что мы можем разделить, и одна часть команды уведёт «Тигров» по ложному следу, а другая тем временем... сделает то, что нужно.

– Что-то не так в этом плане, – сказала Зара. – А если те, кто по горам пойдёт, придут позже? Дорога – она ровная, по ней идти быстрее. И ещё – на фигу «Тиграм» идти за нами? У них свои мозги есть.

– Откуда им мозги взять? Кроме того, ты недооцениваешь стадное чувство. И через холмы быстрее – здесь дорожки есть, местные жители проложили, а там, где их нет, нам посохи помогут. Для чего-то же их нам раздали.

– Я думал, это для того, чтобы бить тех, кого выгнали, – загоготал Фархад.

– Над этим мы задумаемся, когда тебя будем выгонять, – сказала Зара.

– Гялят сделаете!⁸ – злобно крикнул Фархад, стукнул себя кулаком по колену и тихо зашипел – переборщил с силой удара.

Они пререкались целый час, пока, наконец, не пришли к выводу, что им стоит воспользоваться методом, используемым в цивилизованном обществе – голосованием. В итоге «про-

⁸ Выражение, указывающее на совершенную роковую ошибку.

тив» разделения проголосовали Зара и Гасан (первая – потому что была против обмана, второй – потому что не совсем понял суть спора), остальные проголосовали «за». Двое операторов, приставленных к «Непобедимым», переглянулись с кислым видом: первому предстояло прыгать в ночи по горам, второму, по имени Сулейман, – расстаться с Мари. Поменяться они не могли, так как первый контролировал съёмку с дрона, а она была нужнее среди гор, а не на трассе.

– Ну, давай прощаться, – сказал один другому.

«Апшеронские Тигры», воодушевлённые победой и тем, что им до сих пор удалось сохранить первоначальный состав команды, беззаботно отдыхали, выставив «дозорного», роль которого исполнял маленький Башир (он был так обходителен, что все в его присутствии чувствовали себя не в своей тарелке, и поэтому как-то не сговариваясь отправили его в почётный, но ненужный караул). Башир стоял на пригорке, с важным видом глядя вдаль, в темноту, а остальные, завернувшись в тёплые пледы, болтали, ненадолго забыв, что по сути они все соперники, и мечтали, что сделают с деньгами, если выиграют.

– Куплю квартиру и съеду от токсичных родителей, – сказала Лейла. «Токсичный» был одним из её любимых штампов, им она припечатывала всех, кто имел иное мнение о некоторых вещах и кто смел высказывать оное в её присутствии.

– Они знают, что ты... ну... это? – спросила Улдуз, воспитание которой не позволяло ей произнести страшное слово «лесбиянка».

– Я им не говорила, они не поймут! Наверное, о чём-то догадываются, мне всё равно. Я хочу съехать, чтобы они не мешали мне жить своей жизнью.

– Баб таскать к себе? – хохотнула Самира.

Лейла наградила её таким долгим изучающим взглядом, что выдавшая виды «Мисс То-и-это» даже смутилась.

– Ты правда думаешь, что таким, как я, легко найти, как ты выразилась, «бабу»? Даже те, кто был бы не против, боятся осуждения окружающих и что скажут в семье.

Самира, чуть ли не ежедневно выставлявшая в Instagram крупные планы самых красивых частей своего тела и получавшая за это предложения о сотрудничестве от известных и не очень брендов, предложения более интимного характера от уродливых и не очень мужчин, а также поносящие её письма с фальшивых (а зачастую и настоящих) женских аккаунтов, услышав об «осуждении окружающих», лишь усмехнулась.

– А ты бы на что деньги потратила? – спросила она Егяну.

– Я уже сказала в первом выпуске, – ответила та, отводя глаза.

– Ничего конкретного не сказала. «Хочу изменить свою жизнь», бла-бла-бла. Типа кто-то не хочет? Вот ты как хочешь? Поедешь путешествовать? Ты похожа на такую, которая поехала бы куда-нибудь в Европу, по музеям ходить. – Поразительным образом Самире удавалось даже самую безобидную мысль преподнести в виде оскорбления. Поэтому Егяне почудилось, будто Мисс намекает на то, что для неё, некрасивой и неухоженной (она не питала иллюзий на свой счёт), стареющей девушке с немодным образованием филолога и специалиста по французскому языку нет места в дорогих ресторанах, бутиках и спа-центрах, и всё, что ей остаётся – замещать: личную жизнь – рассказами о жизни других людей, а любование собой – любованием шедеврами мировой культуры.

– Возможно, именно так я и сделаю, – размеренно произнесла Егяна, надеясь, что допрос на этом закончится.

– Не-е-е, что-то ты темнишь, – Самире было скучно.

– Да-э, да, темнит она! – поддакнул Эльнур, чтобы угодить красавице.

– Колись давай!

– Так, ребятки, оставьте её в покое, – вмешался Денис. Благодаря низкому голосу и внешности викинга всё, что он говорил, звучало как приказ. Самира, а вместе с ней и Эльнур

решили, что лучше им уняться. Кроме того, Самира заметила, что Денис вроде бы неплох как мужчина, хотя и прискорбно беден.

– А я, если выиграю, хочу построить дом около моря, чтобы с видом на дождь и звёзды, – сказала Улдуз, хотя её никто не спрашивал.

– Детка, когда идёт дождь, звёзд не видно, – тут же ответила Самира. – А вообще, я, наверное, спать лягу. Ваши мечты такие скучные.

– Да, пожалуй, я тоже лягу, – сказала Егяна. – Нам всем нужно выспаться, чтобы завтра быть, так сказать, в форме.

– Нам через эти горки переваливать, – согласился Денис. – Советую всем ложиться.

– Эм... Народ! Я очень извиняюсь за беспокойство, но мне кажется, там что-то странное, – со своего поста подал голос Башир.

Команда неохотно собралась возле него, вглядываясь в место, куда Башир указывал своим коротеньким пальчиком. Внизу, где во тьме притаилась дорога, двигалась цепочка дрожавших огней. «Тигры» сразу догадались о происхождении этих огней – у них самих были такие же факелы, которые им раздали вместе с остальными вещами для похода.

– Это что ещё за фигня? – спросил Денис, обращаясь частично к судьбе, частично к координаторам. Те ничего не ответили – они, конечно, были в курсе планов другой команды, но не имели права помогать своей.

– Куда они идут ночью? – прошептала Лейла. – И почему по дороге?

Их команда была уверена, что запланированный организаторами игры маршрут пролегал через лежащие между Бешбармаг и Алтыгагач холмы, добытые ими подсказки практически не оставляли сомнений в том, что следующие состязания пройдут в Карамельных горах. Теперь вид команды «Непобедимых», под покровом ночи уходящей в противоположную сторону, поселил сомнение в их сердцах.

– Надо пойти за ними, – сказал Эльнур. – Вдруг мы неправильно поняли?

– А вдруг это они неправильно поняли? – возразила Лейла, кусая тонкие губы.

– Что нам делать? – спросила Самира, невольно обратившись при этом к Денису, стоявшему на вершине пригорка с героическим видом, не хватало только развевающегося плаща и меча, прицепленного к чреслам.

– Я пока не знаю, честно, – отозвался он. – По-хорошему, мы должны все отдохнуть перед завтрашним испытанием. Оно начнётся в полдень. Если мы выйдем на рассвете, то как раз доберёмся до Карамельных гор к двенадцати.

– Это если мы всё правильно поняли и нам действительно надо в Хызы, – сказала Егяна.

– Я уверена, что мы всё правильно поняли, – ответила Лейла.

– Тогда куда прутся эти «Непобедимые»? – Самира принялась грызть ноготь, но вспомнила, что её всё ещё снимают, и сделала вид, будто чешет губы. Губами своими она гордилась, это было их общее с косметологом детище.

– Ай-мама-а, ай-мама-а! – начала стенать Улдуз, ухудшая и без того напряжённую атмосферу. – Вдруг мы проиграем! Я не хочу проиграть!

– Мы пойдём за ними, – сказал Денис. Самира тотчас метнулась к стоянке собирать скудный запас вещей, Егяна нерешительно смотрела на координаторов, словно надеясь получить от них хоть какой-то тайный знак, а Лейла заговорила отрывисто, сопровождая речь взмахами рук, которыми она чуть не сбила Башира:

– Вы обалдели все, что ли?! Мы всё правильно угадали! Кто пойдёт ночью по трассе? Куда они пойдут? В Губу? Мы же нормально начали, давайте продолжим так же!

– А вдруг они знают что-то, а мы это упустили? – вежливо предположил Башир.

– А вдруг они отказались от участия в игре, и все пешком пошли в Баку?! – ответила Лейла.

– Ну, это вряд ли, – Башир не почувствовал сарказма.

– Если они выбрали неправильный путь, то он никуда не приведёт, и в худшем случае мы окажемся в равных условиях, – сказал Денис. После этих слов все, кроме Лейлы, начали торопливо собираться в путь, и ей, в конце концов, пришлось смириться.

Они запалили факелы и поспешили в сторону дороги, надеясь догнать «Непобедимых», сесть им на хвост и узнать, куда они направляются. Сама Самира смотрела на звёзды и жалела, что не может поделиться ими со своими подписчиками. Лейла смотрела на Самиру и жалела, что не может прикоснуться к огненным бликам, танцующим на её волосах. Остальные жалели, что неожиданное обстоятельство помешало им вкусить заслуженный отдых.

Вскоре они вышли на трассу, которую им предстояло измерить собственными ногами; скачущие по ямам автомобили сигналили им, водители недоумевали, что за стая чудил шныряет ночью по дороге с камерами и факелами, а они били землю посохами, не спуская глаз с едва видимых вдалеке огоньков другой команды, кто-то затянул песню, но его быстро заткнули, и дальше они шли в молчании и смотрели сны наяву.

Заря занималась над Карамельными горами.

Глава 5

Есть у Рейхан одна тайная радость, о которой она никому не рассказывает, чтобы не услышать «Да делать тебе больше нечего!». Она выискивает объявления о продаже старых квартир и ходит на них смотреть. Ей нравится видеть, как живут разные люди, совершенно незнакомые, ей увлекательно разглядывать их вещи и дивиться, до какой степени обоим могут не подходить к диванному покрывалу, и как это у хозяев ещё глаза не вытекли двумя кровавыми ручейками от такой дисгармонии. Но больше всего она любит узнавать, что скрывается внутри спокойных старинных особняков – абсурдно высокие потолки тесных комнат, разошедшиеся деревянные двери с массивными латунными ручками, широкие подоконники, потрескавшаяся лепнина, чаще лаконичная, но иногда, если повезёт – дивно затейливая, расписная, богатая – вся эта хрупкая красота, умирающая в руках равнодушных хозяев, мечтающих переселиться на -двадцатый этаж вместительной новостройки подальше от аварийных лестниц, втиснутых в закуты санузлов и мрачных комнат-колодцев. У Рейхан довольно денег, чтобы купить и спасти одну из этих квартир, но она не любит расточительства. Не хвататься за всё подряд, и однажды ты порадуешься, что сохранила достаточно ресурсов для чего-то грандиозного – под этим девизом Рейхан поочерёдно отказывается от работы в аптеке, от свиданий с сокурсниками, от навязывающихся друзей и взывающих о спасении домов.

Часто эти квартиры становятся сценой для её сновидений, и там они подобны огромным зачарованным лабиринтам, маленькие особняки разрастаются до размеров дворцов, убранство в них так красиво, что даже в бесплотном мире сна дыхание перехватывает, и Рейхан бродит по ним, стараясь запомнить каждую деталь, каждый блёклый изысканный цвет.

В этот раз она ищет зеркало, которое, возможно, снова покажет... Не то чтобы ей так уж важно было снова увидеть обезличенного персонажа из прошлого сна (вдобавок имевшего, судя по всему, нездоровое пристрастие к курению – Рейхан повидала людей, евших во сне, но вот дымящих сигаретами она ещё не встречала). Просто ей не очень-то нравится, когда что-то, от неё не зависящее, вмешивается и обрывает знакомство в самом начале. Только сама Рейхан может решать, когда прерваться знакомству.

Зеркала она не находит, к тому же все статисты из её сна куда-то исчезают, оставляя её в полном одиночестве, и нет ничего страшнее этого, даже несмотря на то, что Рейхан знает: они – всего лишь манекены, они ничем не смогут ей помочь, да и что может случиться с ней внутри её собственной головы... или нет? Когда она, поддавшись нарастающему чувству паники, уже почти решает смириться и выйти из сновидения, проснуться, выпить стакан воды с лимоном и обо всём забыть, спиной она вдруг чувствует умиротворяющее тепло, и оно обещает ей безопасность. Повернувшись лицом к источнику этого тепла, Рейхан с облегчением, близким к экзальтации, узнаёт человека из зеркала. Она решает не растрчивать энергию на риторику, а вместо этого разглядеть его получше. Крепко потеряв ладони друг о друга, чтобы усилить концентрацию, она направляет всё своё внимание на его лицо. Оно показалось бы ей красивым, если бы не по-детски наивное выражение глаз. «Такого человека, должно быть, легко обмануть, и он никогда не учится на своих ошибках», – выносит вердикт Рейхан. Изящно очерченные губы – нижняя глубоко рассечена посередине, словно персик.

– Я тебя нашёл, – довольным тоном произносит вдруг незнакомец. Голос низкий, некогда бархатный, но бархат протёрся от курения.

«Да кто дал тебе право открывать рот?» – мысленно возмущается Рейхан, а вслух говорит:

– А ты меня искал?

– Наверное. Я искал что-то, увидел тебя, и мне стало легче. Должно быть, я искал тебя?

Этот вопрос заставляет Рейхан задуматься. Что, если вовсе не она ему нужна и он, проговорив с ней минуту, сообразит это, да и отправится на поиски кого-то другого? До чего же глупо она тогда будет выглядеть!

– Как ты здесь оказался?

– Просто открыл одну дверь в доме у друга. Она была спрятана за шкафом, но я всё-таки протиснулся. Не знаю, зачем. Не думал, что это здание такое большое, снаружи оно было совсем не таким...

«Он и не подозревает, что спит», – думает Рейхан.

– Знаешь, мы уже встречались... однажды, – сказать «прошлой ночью» Рейхан как-то не осмеливается.

– Я помню! Ты посвящала меня в рыцари!

– Неужели? – Рейхан смущена; она словно обманывает ребёнка, никак не опровергая его веру в существование Деда Мороза или монстра под кроватью.

– Корона венчала твою голову! И ты была в этом же самом платье!

Рейхан в замешательстве оглядывает себя – во сне она никогда не обращает внимания на свою одежду, иногда ей кажется, что она вообще ходит голая, ведь это неважно. Выясняется, что она действительно облачена в белое платье средневекового покроя, подол, ворот и рукава искусно расшиты золотой нитью. «Как я, наверное, роскошно выгляжу», – думает она, но, к сожалению, эта самодовольная мысль усыпляет её внимание, развеивает силу её воли, и она, словно ловец жемчуга, забывший взять с собой камень, летит вверх, выталкиваемая неумолимой водой.

Глава 6

С природой одною он жизнью дышал: Ручья разумел лепетанье, И говор древесных листов понимал, И чувствовал трав прозябанье; Была ему звёздная книга ясна, И с ним говорила морская волна.

Евгений Баратынский «На смерть Гёте»

Рейхан

18 октября

Утро началось для Рейхан раньше, чем обычно, в неустойчивые минуты между ночью и рассветом, когда вроде бы уже и можно вылезти из постели, но темно, холодно и страшно, и кажется, что во всей Вселенной ты – единственное живое существо. Если от этой мысли становится совсем невмоготу, можно попытаться представить себе, как миллионы людей в других часовых поясах едят, бегают, совершают Сурья-намаскар, работают или занимаются любовью – словом, не лежат в темноте и не бездействуют. Не смакуют воспоминания о своих снах.

«Если он всё-таки настоящий, – думала Рейхан, уставившись во мрак потолка, который сейчас мог сойти и за войд, космическую пустоту, – то кто он? Где живёт? Что за посвящение в рыцари он имел в виду? И почему я вообще о нём думаю?!» Вместе с мыслями, обращёнными к нему, происходила утечка энергии, и Рейхан это совсем не нравилось.

Раннее пробуждение подарило пару дополнительных часов времени, и Рейхан употребила их на дела, до которых у неё никак не доходили руки. К концу подходило массажное масло, которым она удерживала Ясмин от стремительного падения в пропасть климактерических изменений, и Рейхан приготовила новое: миндальное масло в качестве основы, тридцать капель мистического, древесного эфира пачули, двадцать капель кричащего, одурманивающего жасмина, пятнадцать капель масла иланг-иланга, приторного и, на взгляд Рейхан, чересчур физиологичного, и десять капель масла розового дерева, строгий аромат которого немного уравновешивал всю эту тяжёлую сладость. Готовому средству следовало настояться под светом полной луны, до полнолуния оставалось три дня, и Рейхан надеялась, что сумеет растянуть остатки старого масла.

Ей не хотелось сегодня видеть Ясмин. Она уже знала, какой вопрос задаст, и примерно догадывалась, каким будет ответ, но боялась ошибиться (такое редко, но случалось). У неё даже мелькнула мысль, не позвонить ли Ясмин и не сказать ли больной, но эта мысль не продержалась и секунды: ведьма не имеет права быть больной, это бы противоречило логике, вот Рейхан никогда и не болела, и все её знакомые об этом знали.

Так что Ясмин пришла в своё обычное время и, вместо того, чтобы по традиции роптать на неприступность домика на холме, набросилась на Рейхан с вопросами.

– Пока ничего точно не известно, – старательно сочиняла та. – Для того, чтобы точно истолковать знаки, мне нужны кое-какие дополнительные сведения.

– Какие ещё сведения? Я могу дать тебе любые сведения, – резко ответила Ясмин.

– Другие, не те, которые вы мне можете дать. Скоро я сама их получу. – Рейхан поставила перед ней чашку её любимого чая. – Вы любите своего мужа? – спросила она в лоб. Ясмин издала издевательский звук, что-то вроде «мэ-э».

– Ёх-бир⁹! Любить каких-то там мужиков, я? Пусть это они меня любят! Никогда никого не любила и не собираюсь!

⁹ Вот ещё, ещё чего.

Всё-таки Рейхан не ошиблась, и это сильно упростило задачу. Теперь она точно знала, что ей делать.

Она собиралась заняться треугольником с вершинами Ясмин – муж – Айка сразу после ухода первой, но железная дверь, выкрашенная в яркий и чистый оттенок синего, загремела, сотрясаемая решительными ударами. Так стучало только одно существо. Рейхан вспорхнула с пуфика и устремилась во двор, попутно думая о том, что если гостя и дальше будет колотить её дверь, то скоро ту придётся красить заново, а то и вовсе менять на новую.

К ней неожиданно, без предупреждения, вломилась давняя клиентка, Ханым ханым. Эта пожилая матрона была настоящей занозой в известном месте. Она скупала у Рейхан всевозможные кремы, мази и притирания в промышленных количествах и, как сильно подозревала Рейхан, втридорога перепродавала их на сторону, но больше всего хлопот доставляла маниакальная идея Ханым ханым отдать за-жену своего сына-переростка, который, как ей казалось, засиделся в женихах. Однажды она разоткровенничалась: «Я бы на тебе его женила, ты же знаешь, Рейханчик, как я тебя обожаю, но, честно говоря, мне нужна управляемая невестка, а ты, ну ты знаешь, ты же у нас такая... С характером!», словно Рейхан только спала и видела, как бы заполучить это мамочкино сокровище. «Тогда вам нужно на филиппинке какой-нибудь его женить, из них, говорят, получают покорные, хорошие жёны», – порекомендовала ей Рейхан, и Ханым замахала руками: «Ай сяни¹⁰, что ты такое говоришь, внуки косоглазые будут! Нет, я нашу девочку хочу». Рейхан только руками развела; она никогда не оспаривала право людей на собственные мнения и желания, даже таких людей, как Ханым.

– Салам, Рейханчик! А ты одна? – эта престарелая амазонка вытянула шею, чтобы обозреть двор, и протянула Рейхан пакет.

– Здравствуйте, Ханым ханым! – «Господи, и что это за люди назвали свою дочь «Ханым»? Это как в англоязычной стране назвать сына “Мистер”!» – подумала Рейхан и заглянула в пакет. Ну, так и есть, любезнейшая опять приволокла вино. Рейхан не имела ничего против алкоголя, особенно по Суббатам, но пить в рабочий день, с утра, да ещё и красное сухое, к которому Ханым была нежно привязана – поганая вяжущая кислятина, а ведь приходилось делать вид, что нравится, иначе старушенция смертельно обижалась.

– Ну вот, вы опять со своим напитком! У меня же такие наливки вкусные, домашние, а вы их никак не попробуете!

– Сладкие слишком твои наливки. Зайдём в дом, во дворе прохладно сейчас сидеть. Только убери эту свою кошку, она на меня прыгнет.

«Много чести, чтобы мой ненаглядный на тебя прыгнул, он даже ко мне на колени не идёт», – подумала Рейхан, но кога спрятала в спальне.

Они устроились в кухне, откупорили бутылку, и Ханым, залпом проглотив целый бокал, загрузила потихоньку потягивающую терпкое вино Рейхан целым ворохом своих проблем: мази и кремы, которые она купила в последний раз, закончились, со здоровьем опять начались проблемы, вдобавок ей кажется, что сестра мужа всё-таки делает на неё порчу, она всю квартиру обыскала, ничего не нашла, но от этого только страшнее, а сыну её Заурчику опять на свидании девушка не понравилась.

– Так с ним вообще никто скоро не захочет встречаться, уже все знакомые между собой говорят, что ему не угодить. Чего ему не нравится, не понимаю, я ему таких хороших девочек нахожу. – Ханым плеснула себе ещё вина. – Мне, говорит, её причёска не понравилась... Помоги, Рейханчик.

– Да что ж мне сделать?! – воскликнула раздосадованная Рейхан. – Разве я парикмахер или сваха?

– Ну что там обычно делают в таких случаях? Снимают венец безбрачия...

¹⁰ Ой тебя.

– Это на женщинах бывает венец безбрачия, и вообще – его не существует. Если человек не находит себе пару, значит, она ему не нужна.

– Нужна ему пара, нужна! – Вино опасно заплескалось в бокале потрясающей руками Ханым. – Как женится, я спокойна буду, что он в надёжные руки пристроен.

«Совсем как про бездомную зверюшку говорит, – подумала Рейхан. – Удушила всех мужчин в доме и ведь считает, что это нормально. Вот вам и угнетённые женщины Востока, а ведь она – одна из многих таких же предводительниц общин».

– Так, может, не хочет ваш Заур жениться.

– А кто его спрашивает?

«Действительно, – с недобрый весельем сказала себе Рейхан, – кто его спрашивает? Устрою я ему невесту».

– Ну хорошо. Допустим, я приманю в его жизнь девушку.

– Гузу кясим!¹¹ Главной гостьей на свадьбе будешь! Внучку назовём в честь тебя, родная!

– Ну, там видно будет, – скромно отозвалась Рейхан. – Вы тут посидите, пока я для вас всё приготовлю?

Под этим благовидным предлогом она оставила покрасневшую, но ещё далёкую от апоплексического удара Ханым наедине с её зелёной бутылкой, с её простодушной манерой величия и спряталась в процедурной комнате, стиснув аптекарский пестик в ладони, как кинжал.

Спустя четверть часа Рейхан вернулась в кухню и принялась расставлять баночки и бутылки на столе перед осоловевшей Ханым ханым.

– Вот, всё, как обычно. А это – для вашего сына, – последним она выложила белый ситцевый мешочек с вышитым на нём красной нитью символом, в котором знающий глаз усмотрел бы несколько связанных между собой рун. – Положите ему под подушку.

– Не получится под подушку, он, когда спит, её всё время туда-сюда переворачивает, чтобы голова не потела.

– Ну, под матрас. Или туда, где он много времени проводит. Очень скоро он станет счастливым... хочется ему того или нет.

– Ой, спасибо тебе, Рейханчик! – обрадовалась Ханым. – Давай отметим. Садись выпей со мной.

– Я уже выпила целый бокал, – запротестовала Рейхан. – А мне ещё на Бешбармаг ехать. Ханым ханым оживилась.

– Аллах гябул элясин!¹²

«При чём здесь Аллах», – хотела огрызнуться Рейхан, которую эклектичность религиозных воззрений, свойственная большинству азербайджанцев, всегда повергала в недоумение, но вовремя вспомнила о тщетности любых попыток что-либо доказать дураку, к тому же она обещала себе быть добрее к людям, поэтому просто промолчала. Ей ещё пришлось ждать, пока Ханым прикончит бутылку. Только убедившись, что драгоценная жидкость вся перешла в надёжное место под сердцем, женщина собрала со стола свои покупки, расплатилась и, не переставая сулить Рейхан самое почётное место за столом на свадьбе и прочие сомнительные награды, отбыла. А Рейхан пришлось целый час медитировать под звуки поющих тибетских чаш, чтобы успокоиться – агрессивная энергетика Ханым всегда вступала в диссонанс с её собственной. Как это отражалось на Ханым, Рейхан не знала, но, возможно, именно это обстоятельство заставляло пожилую даму напиваться словно старому пирату.

После медитации Рейхан написала на картонной табличке «Меня нет дома» и подвесила её к осеннему венку на входной двери. Некоторые люди очень упорствовали в своём стрем-

¹¹ Барашка для тебя порежу!

¹² Пусть Бог примет *твое паломничество*.

лении попасть к ней, даже если она не открывала по десять минут. Затем она приготовила в дорогу небольшой рюкзак и стала ждать Элладу с мужем, с которыми должна была доехать до пункта сбора туристической группы.

– Много народу собралось, – весело сообщила Эллада по дороге. – Все хотят свои проблемы уладить, наверное.

– Так чего они вас ждали, сами не ехали? – спросила Рейхан. Эллада не нашла что ответить.

Рейхан нравилось ездить в эти маленькие путешествия с Элладой и её мужем – они постоянно создавали новые маршруты, стараясь подтянуть местный туризм до такого уровня, чтобы даже самые небогатые граждане страны могли почувствовать всю прелесть жизни. Группы у них всегда собирались дружные, весёлые, семейная турфирма стала чем-то вроде клуба. Доход с такого бизнеса был небольшой, но зато оба супруга любили свою работу.

В этот раз автобус действительно набился полный. Гора Бешбармаг, также известная в народе как Хыдыр Зинда, считалась священным местом, где исполняются желания, но по какому-то странному стечению обстоятельств Рейхан ещё ни разу в жизни не побывала там. Лишь в детстве, когда в Набрани ещё не вырубил весь лес, чтобы застроить край однотипными безликими домами отдыха, Рейхан с родителями, отправляясь летом в деревню, проезжали мимо необычно выглядевшей скалы, росшей из высокого земляного холма, жёлто-серого от выжженной солнцем травы. В этом месте по обе стороны трассы теснились уютные кафе, где рисковали пить чай разве что проезжающие на север дальнбойщики, мелкие магазины и навесы, под которыми продавали варёную кукурузу, кябаб и, как гласила вывеска, «ПЕРАШКИ» – словом, все те удобства, которые может предложить главная остановка на длинном пути, включая туалет, куда Рейхан всегда боялась зайти, предпочитая терпеть до какого-нибудь живописного куста на укромном участке дороги. Теперь ей было интересно, как это всё выглядит сейчас, да и жизнь, полная путешествий, научила её главному правилу: никогда не пренебрегай туалетом, потому что куст может и не встретиться.

Трасса Баку – Сиязань начиналась чуть ли не у порога дома Рейхан и проходила через скучные места – справа лениво переливалось море, слева серели холмы, утомительное однообразие которых было кое-где разбавлено высокими ветряными мельницами и одинокими строениями. Совсем недавно высаженные вдоль дороги трогательные крошечные хвойные деревца испуганно топорщили свои иголки, похожие на цыплячий пух. Рейхан стало интересно, доживёт ли она до того времени, когда эта застенчивая поросль превратится в гордую тенистую рощу, или летний зной и засуха расправятся с ней раньше.

К мирно созерцавшей пейзаж Рейхан подседа бойкого вида женщина лет пятидесяти, светловолосая, коротко стриженная.

– Вы в первый раз так едете? – спросила она.

– Нет. Организатор – моя подруга, я с ними постоянно езжу.

– А я в первый раз. – Женщина устроилась поудобнее, явно затеявая долгий разговор. – Думаю, может, нового мужа себе найду, – она весело засмеялась. – Старого-то, падлу, с соседкой я застучала в интересный момент.

– Классическая ситуация, – прокомментировала Рейхан. Попутчица её представилась Ольгой и рассказала подробности своей личной драмы, Рейхан вставляла дельные замечания, исподволь подготавливая собеседницу к идее о необходимости магического вмешательства профессионала. Если уж заводить новые знакомства, так с пользой. Эзотерика оказалась Ольге не чужда, и она с благодарностью приняла советы Рейхан по привлечению нового мужа.

– А ты сама замужем? – спросила вдруг она.

– Нет.

– Вот времена пошли. Такая красивая и умная, и не замужем! У меня таких подруг полно. Всё при них – а не то что мужей, вообще никаких кавалеров нет. Наверное, ты никак выбрать не можешь?

– Я поклялась выйти замуж только за того, кто без меня ну совсем не обойдётся, – честно ответила Рейхан. – Я слишком многое умею, чтобы просто так выйти за кого-нибудь, кто и без моего вмешательства не бедствует.

– За нищего, что ли, хочешь?

– Деньги здесь ни при чём. В другом дело... – Если бы Ольга спросила, в чём же дело, Рейхан не стала бы ей объяснять, но Ольга не спросила. Она начала болтать о пустяках, и так, за поверхностной беседой, они доехали до места. Рейхан прильнула к окну.

Со времён детства ничто не изменилось на перевалочном пункте, даже надписи и вывески остались те же, знакомые очертания пира Хыдыр Зинда с его слегка уплощённым куполом, но кое-что добавилось, и кто угодно мог этого не заметить, но только не Рейхан – где бы она ни была, её глаза всегда отыскивали место, где можно выпить кофе. Она смогла бы найти уютную кофейню даже в Антарктиде.

– Остановите! – завопила она, утратив присущую ей невозмутимость. – Там было написано «Кофе!».

– Ты что, забыла сегодня дозу принять? – спросила Эллада, но всё же дала водителю знак остановиться и объявила: – Друзья, мы уже почти на месте, сейчас сделаем короткую остановку, если кому-то надо что-то купить или посетить туалет, то у вас есть двадцать минут. – Люди в автобусе сонно зашевелились, вставая и разминая затёкшие от долгого сидения ноги. – Чего тебе везде кофе мерещится? Это же Бешбармаг, даже если тут есть кофе, то из пакетика «три в одном». Подожди меня!

Туристы ещё только вылезали из автобуса, а Рейхан уже изучала меню в уютной кофейне.

– Смотри, у них и моккачино имеется.

– А раньше здесь был какой-то стрёмный магазин, – вспомнила Эллада, подойдя к подруге, которая теперь разглядывала пирожные в витрине.

– Цивилизация добралась даже сюда. Как думаешь, это предвестие того, что постепенно убожество, грязь и уродство исчезнут вовсе, везде понаоткрывают кофейни, и мы будем наслаждаться плодами глобализации?

– Или терпеть её последствия. – Эллада, не обладавшая таким натренированным духом, как у подруги, смотрела на жизнь более мрачно. Рейхан оплатила свой заказ и почувствовала, что на этом этапе всё в её жизни идёт как надо.

Когда автобус съехал с асфальтовой дороги на грунтовку, которая, прихотливо изгибаясь между зелёных холмов, вела то вверх, то вниз, словно не по своей воле поднимаясь к Бешбармаг, Рейхан попросила высадить её и со словами: «Настоящее паломничество совершается пешком» – припустилась к «Пяти пальцам» (их она, кстати, так и не смогла различить – с какого бы ракурса ни глядела она на скалу, та напоминала разве что пальцы на ступне, да и то с большой натяжкой; изображение у людей древности, видимо, в отсутствие огромного множества визуальных отвлечений, работало гораздо лучше). Автобус позади неё пыхтел, запутавшись в своих колёсах. Рейхан прошла мимо отары разноцветных овец, послала десяток воздушных поцелуев шикарному алабаю, с важным видом разлёгшемуся на обочине. Воздух, для городского жителя непривычно лёгкий и благоухающий, как будто сам проникал в лёгкие, омывая их изнутри до первозданной чистоты. Рейхан быстро оставила тяжело ворочающийся в пыли автобус далеко позади и теперь шагала среди нежно-зелёных холмов, напомнивших ей ту самую заставку Windows XP, фотографию под названием «Безмятежность», но словно бы в исполнении Уильяма Тёрнера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.